

Мой капитан

Автор:

Уитни Джи

Мой капитан

Уитни Джи

Лучшая на свете первая любовь

Джиллиан и Джейк работают в сфере гражданской авиации. Совместные перелеты, ночи в шикарных отелях... Трудно устоять друг перед другом, когда проводишь столько времени вместе. Джиллиан знает, что это опасный путь, и что в таких, как Джейк, влюбляются, причем безответно. Но у нее все под контролем... было, до пары чертовых ночей, что изменили все.

Джи Уитни

Мой капитан

G. Whitney

Mister Weston

Copyright © 2016. MISTER WESTON by Whitney G.

© Бялко А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2020

Это для тебя.

Только для тебя.

До посадки

Джиллиан

Пролог

Сколько раз ты сожжешь меня?

Три, четыре, может быть, семь —

Разве я сжигаю тебя?

Это надо закончить опять.

«Если ты уйдешь, за тобой пойду», —

Говорю я тебе, а ты отвечаешь: «Жду»...

Когда я впервые попала в зону турбулентности, я поклялась собственной жизнью, что больше никогда не стану летать.

Это произошло во время ночного полета из Сиэтла в Лондон, когда, через три часа после взлета, мы попали в летний ураган. Самолет трясло так, что пассажиры визжали и молились вслух, и моих заверений: «Все в порядке! Пожалуйста, оставайтесь на местах!» – никто даже не слушал.

Пилот был молодым и неопытным, и его тихий, неуверенный голос нисколько никого не успокаивал. А когда перегородка в кабине первого класса рассыпалась на мелкие кусочки среди выпавших чемоданов, я поклялась себе, что если мы вообще приземлимся, то мои дни в небе на этом закончатся.

Конечно, всего через несколько часов я нарушила эту клятву, но могу сказать, что пережила худшее проявление турбулентности из всех возможных.

Ну, или я так думала.

– Мисс? – прервал мои мысли пассажир первого класса. Он коснулся моего локтя, когда я шла мимо него по проходу. – Мисс?

– Да?

– Сколько нам осталось до Парижа?

– Восемь часов, сэр. – Я удержалась от желания напомнить ему, что он уже спрашивал об этом четверть часа назад. – Принести вам что-нибудь выпить?

– Да, еще белого вина, пожалуйста.

Кивнув, я быстро ушла, достала из холодильника бутылку и долила его бокал доверху. Мне хотелось закончить быстрее, чтобы наконец-то присесть и переждать невыносимую боль в груди.

– Можно принести мне одеяло? – попросил пассажир до того, как я успела уйти.

Я выдавила улыбку, достала из багажной полки над его головой одеяло, развернула и положила ему на колени.

– Что-нибудь еще, сэр?

– Нет, но... – замолчал он на полуслове и приподнял бровь. – О, да вы покраснели. Отчего вы плачете?

– Я не плачу, – соврала я. – Это аллергия.

– Аллергия? В самолете?

– Вы хотели бы что-то еще, сэр? – я почувствовала, как по щеке сбегают слезы. – Если нет, я скоро снова подойду к вам.

Вместо ответа он вынул из нагрудного кармана носовой платок и протянул мне.

– Что бы это ни было, – сказал он, оглядывая меня снизу доверху, – надеюсь, это не из-за парня. Вы слишком красивы, чтобы плакать из-за подобного...

Погодите... Так это все-таки парень, да?

Я не ответила. Просто взяла платок и ушла.

Я прошла в хвост самолета через весь салон со спящими пассажирами и заперлась в одном из туалетов. По моему лицу текли слезы, но я вынула телефон и зашла в свой блог, чтобы перечитать то, что написала месяц назад. Чтобы снова вспомнить то ужасное чувство, когда не слушаешь собственных советов.

ЗАПИСЬ В БЛОГЕ

Я говорю это себе в последний раз.

В самый последний.

Мое сердце больше не выдержит этих ссор, новых раундов опасной игры в «Мы справимся? Мы не справимся?», нового оборота бесконечной карусели, взлетов и падений.

Да, секс с ним неповторим, и я хочу все больше в ту же минуту, как он выходит из меня. И то, как я с ним кончаю часами, всегда останется непревзойденным. Но то, как мы совпадаем темпераментами (вернее, не совпадаем), достигло своих пределов.

Я не вернусь к нему. Нет.

Я не вернусь.

Я. Не. Вернусь.

Стук в дверь раздался раньше, чем я дочитала до конца. Я вздохнула.

– Тут занято, – сказала я. – Там же горит лампочка.

Стук повторился, на этот раз громче, и я, застонав, отперла дверь.

– Лампочка «занято» ясно... – Слова замерли у меня в горле, когда я увидела человека, которого ненавижу, которого старалась избегать в течение всего полета. Пилот. Капитан корабля. Его красивые голубые глаза смотрели прямо на меня, челюсти были сжаты, и как бы я ни старалась не восхищаться им, это было сильнее меня.

Его совершенные, чуть резковатые черты лица, полные и четкие губы, созданные для долгих страстных поцелуев, это тело, излучающее сексуальность... Он всегда мог одним взглядом возбудить меня до потери дыхания.

Позади него в салоне мигало несколько лампочек для чтения и несколько экранов начинали показывать второй фильм полета.

– Джиллиан, нам надо поговорить, – сказал он напряженно. – Сейчас.

– Обойдусь, – попыталась я закрыть перед ним дверь, но он придержал ее, толкнул меня внутрь и зашел, закрыв ее за собой.

Несколько секунд мы молчали, просто глядя друг на друга так же, как и тысячи раз до того, а между нами застыли боль и разочарование.

– Мне нечего сказать тебе, Джейк, – прервался мой голос. – Ничего больше сказать.

– Это хорошо, – прошипел он. – Говорить буду я.

– Хм, это даже забавно. Обычно ты вообще не разговариваешь.

– Ты спишь с кем-нибудь? – слова прозвучали настолько резко и хрипло, что я даже не поняла, расслышала ли их как следует.

– Что?

– Повторить? – он уставился на меня, подойдя еще ближе. – Ты с кем-нибудь спишь?

– Мы не разговаривали почти месяц, – стиснула я зубы. – Я не видела тебя почти месяц, и это первое, о чем ты меня спросил? Как насчет: «Привет, Джиллиан. Мы давно не виделись. Как дела?»

– Привет, Джиллиан, – передразнил он меня, не отрывая взгляда от моих глаз. – Мы давно не виделись. Как дела? – и, не давая мне шанса ответить: – Ты с кем-нибудь спишь?

– Нет.

– Ты с кем-нибудь встречаешься?

– Это тот же чертов вопрос.

– Так дай мне тот же чертов ответ.

– Нет, – скрестила я руки на груди. – Нет, я ни с кем не встречаюсь, но скоро буду. И знаешь что? Это будет кто-то, кто не будет заставляя меня переживать то же самое каждые несколько недель, кто-то, кто не будет ловить нездоровый кайф, исчезая каждый раз на недели и оставляя меня одну в ночи, в догадках, что же случилось на этот раз. А еще это будет кто-то, кто уважает меня и не ведет себя так, словно любить меня – тяжелая ноша.

– Я никогда не говорил, что любить тебя – ноша.

– Ты вообще никогда не говорил, что любишь меня.

Молчание.

– Джиллиан, – вздохнул он, проводя рукой по своим светлым волосам. –
Послушай.

– Да иди ты! Дай пройти, пожалуйста, – толкнула я его в грудь, пытаюсь выйти, но он удержал меня. – Джейк, дай мне пройти.

– Нет. – Он обхватил меня за талию и притянул к себе, кончиками пальцев свободной руки вытирая мои слезы. Он гладил меня по спине и целовал в уголки рта, нежно покусывая за нижнюю губу, как делал обычно перед тем, как начать трахаться. – Ты же знаешь, я никогда не хотел причинить тебе боль.

– Да?

– Ты должна это знать. – Он снова прикусил мою губу, в этот раз сильнее, и прошептал мне прямо в рот: – Ты должна дать нам еще один шанс.

– С чего ты взял, что я сделаю такую глупость?

– Потому что не только я ошибаюсь. – Он запустил руку мне в волосы и потерся губами о мои губы. – Я припоминаю, что это с самого начала было запорото.

– Оно и есть запорото, – взглянула я ему в глаза. – Ты отказываешься впустить меня, не разговариваешь со мной, не обсуждаешь самых простых вещей. Я всегда была открыта и честна с тобой, но нет, даже через все это время... – конец моей фразы замер у меня на губах, когда его язык скользнул вдоль моего – умоляя, дразня, ошеломляя.

Я пыталась сопротивляться, отталкивала его, но все оказалось бесполезно. Его поцелуй напомнил о том, чего мне так не хватало, о том, как хорошо нам было вместе. Медленно уступая, я продолжала шептать ему в губы свои вопросы, а он снова и снова овладевал моим ртом.

Я спросила, спал ли он с кем-нибудь, он сказал «нет». Я спросила, встречался ли он с кем-нибудь, и он наказал меня, крепко сжав мои ягодицы и резко ответив: «Нет». Я начала спрашивать, где он был все это время, почему он постоянно исчезает время от времени, но он пресек мой вопрос еще более глубоким поцелуем, от которого у меня по спине побежали мурашки.

– Вечером поговорим, – прошептал он. Схватив мою руку, он прижал ее к своим штанам, давая мне почувствовать, как у него там затвердело. – Мы поговорим обо всей чертовой ерунде, о какой ты хочешь, поговорим сегодня вечером.

– Вечером – в смысле утром, когда мы приземлимся в Париже, или вечером – это прямо сейчас?

– Вечером, это в смысле прямо сразу, как мы выйдем из туалета, прямо после того, как я разверну тебя к этой двери и напомню твоей пусси, кто ее хозяин. – Он накрыл мою руку своей и жестом приказал мне расстегнуть его брюки. – Это тебя устроит?

Я кивнула, он снова завладел моими губами, и новый поток моих аргументов внезапно иссяк, чтобы превратиться в забытые обрывки, как и все остальные. Его рука скользила под моей юбкой, между моих влажных бедер – и я знала, что все пропало, все снова пропало.

Все было нами.

Все было турбулентностью.

Сколько раз ты сожжешь меня?

Три, четыре, может быть, семь –

Разве я сжигаю тебя?

Это надо закончить опять.

«Если ты уйдешь, за тобой пойду», –

Говорю я тебе, а ты отвечаешь: «Жду»...

Терминал А:

Парень встречается девушку

Гейт А1

Джейк

Даллас (DAL) – Сингапур (SIN) – Нью-Йорк (JFK)

В мире есть только три вещи, которые я ненавижу сильнее, чем злобный цирк собственной семейки – изменения в авиаиндустрии, сам факт, что это единственное место, которое я могу рассматривать в качестве своей работы, и то, что табличка «Не беспокоить», вывешенная на дверь гостиничного номера, больше ни черта не значит.

За это утро ко мне в дверь дважды постучали в самый неподходящий момент. Первый раз – когда я занимался сексом и женщина, которую я пригласил в свой номер, стояла, наклонившись над кофейным столиком. Ее задница была поднята к небу, а я входил и выходил из нее. Второй раз стучали, когда я перелистывал утренние газеты, используя огонек своей последней сигары для того, чтобы прожигать дыры в этих наполненных ложью страницах.

Ну и теперь, через те же самые три часа, в мою дверь снова забарабанили.

– Мистер Вестон! – раздался на сей раз еще и голос, женский. – Мистер Вестон, вы тут?

Я не ответил. Я остался стоять под обжигающими струями душа, стараясь придумать, каким образом могу выбраться из всего этого.

– Мистер Вестон, это я! Доктор Кокс! – десять минут спустя опять визгливый голос. – Я знаю, что вы здесь! Если вы сейчас не ответите, я предположу, что

что-то не так, и вызову полицию!

Господи боже...

Я выключил воду и вышел из душа. Не побеспокоившись взять полотенце, я прошел через спальню и открыл дверь, обнаружив перед собой рыжеволосую женщину в белом костюме.

– Какого черта вам надо? – спросил я.

– Простите? Почему вы так со мной разговариваете? Мне не нравится, что вы игнорируете... – замолкла она на полуслове и отступила назад. Ее большие карие глаза расширились, а щеки залила краска.

– Ваш член не... – перешла она на шепот. – Вы же совершенно голый.

– Как вы внимательны, – холодно заметил я. – Так что же вам надо?

Ее глаза не отрывались от моего члена еще несколько секунд, после чего она откашлялась: – Я доктор Кокс из отдела кадров «Элитных перелетов».

– Я в курсе.

– Я знаю, что в эти выходные вы совершаете свой последний перелет в компании «Фирменный полет», но ввиду того, что «Фирменный» и «Элитные» с ближайшего понедельника становятся одной компанией, вам необходимо заполнить некоторые формы документов, – сказала она. – У вас было для этого десять месяцев, и вы – единственный пилот, который так и не представил свои личные данные. Мало того, я уверена, что мы сообщили вам, что специально летим в Даллас, где у вас стыковка, только для того, чтобы сделать это, мистер Вестон. Мы прилетели сюда из-за вас и все это время ждем вас в комнате для совещаний. Что, вы умрете, если отнесетесь к этому всерьез?

– Я отнесусь к вам всерьез, когда вы поймете, что глаза у меня тут, наверху.

Она снова покраснела, задохнулась от возмущения и наконец посмотрела мне в лицо.

– Мы просили вас спуститься вниз к семи часам.

– А я сказал, что буду там в восемь.

– Ну, сейчас семь тридцать, – сказала она, взглянув на часы, – и причина, по которой мы хотим, чтобы вы присоединились к нам часом раньше, состоит в том, что мы решили дать вам время ознакомиться с нашей новой политикой. И мы настаивали...

– Нет, вы предложили. Это два совершенно разных термина, предполагающих абсолютно различные толкования.

– Полагаю, что к списку ваших уникальных профессиональных качеств можно добавить «ходячий словарь», – закатила она глаза. – В следующий раз, посылая вам имейл, я буду аккуратнее относиться к формулировкам.

– Это ваша обязанность.

– Так мы увидим вас внизу в восемь?

– В восемь тридцать. Кое-кто помешал мне принимать душ со своей ерундой, и я должен восполнить потерянное время.

– Мистер Вестон, богом клянусь, если вы не спуститесь через час, я предложу своему начальству собрать документы и улететь. И обещаю вам, что эти выходные станут последними, когда ваша нога ступит на борт, принадлежащий нашей компании.

– Я не любитель пустых угроз, но для записи слово «настаивать» в этом предложении гораздо было бы уместнее. Я приду, когда приму чертов душ. – И я захлопнул дверь прежде, чем она успела сказать что-то еще.

Я снова прошел через спальню, подобрав по пути несколько оберток от презервативов и кинув их в мусор. Затем я вытащил из шкафа свою пилотскую фуражку и голубую форму и выложил на кровать.

Я больше десяти лет отработал в приличных авиакомпаниях и более чем заслужил те четыре золотые полоски, что украшали мои погоны, и я был искренне уверен, что проведу остаток своей карьеры, совершая полеты для любимого «Фирменного полета». Но тут «Элитные перелеты» стали перевозчиком номер один в стране, со своим подходом: «Давайте украдем все, чем была Pan Am в свои непревзойденные дни, и выставим это чем-то новым», и я понял, что они найдут способ выкупить мою любимую авиакомпанию. Так же, как перекупили множество прочих.

Я поднял с прикроватной тумбочки телефон, надеясь увидеть там письмо о приеме на работу от одной из тех чартерных компаний, куда разослал на прошлой неделе свои заявления, но там было пусто. Только сообщение от Эмили, женщины, с которой я трахался.

Она была записана у меня как «Даллас-Эмили», сначала город, потом имя. Так я не перепутаю ее с «Сан-Фран-Эмили» или «Вегас-Эмили». Таким образом я вел учет всех женщин, с которыми спал в разных городах.

Даллас-Эмили: Я не оставляла у тебя свои сережки?

Дж. Вестон: Оставляла. Я позвонил на ресепшн, чтобы их забрали. Можешь получить их там в любое удобное время.

Даллас-Эмили: Джейк, ты мог бы просто сказать, что я их забыла...

Дж. Вестон: Ну вот я и сказал.

Даллас-Эмили: Ну ты же понял, что я имела в виду. Может быть, я нарочно их оставила, потому что хотела вернуться поговорить с тобой.

Дж. Вестон: Именно поэтому я и передал их на ресепшн.

Даллас-Эмили: Можно, я что-то спрошу? Мне надо что-то сказать.

Дж. Вестон: Я не могу запретить тебе слать сообщения.

Даллас-Эмили: Когда мы опять встретимся, не мог бы ты начать вечер с каких-нибудь других слов, кроме «встань на колени» или «открой рот».

Дж. Вестон: Я не против сказать «привет» из этой позиции.

Даллас-Эмили: Джейк, я не об этом! Я хочу сказать, между нами что-то есть... Что-то настоящее... И я...

Дж. Вестон: Твои многоточия что-то значат, или ты издеваешься над грамматикой чисто для удовольствия?

Даллас-Эмили: Джейк, я хочу от тебя большего. Большого для нас обоих.

Дж. Вестон: Еще больше траханья?

Даллас-Эмили: Больше ТЕБЯ. Ты мне ОЧЕНЬ нравишься, и я знаю, что с твоей работой ты одинок (как и я), и я чувствую, что между нами существует настоящая связь.

Дж. Вестон: Между нами есть связь, Эмили.

Даллас-Эмили: Если это не так, то почему же, когда ты прилетал последний раз, мы говорили ЧАСАМИ и ты повел меня на этот шикарный ужин?

Дж. Вестон: Мы говорили двадцать минут, и я купил тебе гамбургер.

Даллас-Эмили: Это то же самое. Каждый раз, когда мы встречаемся, даже если всего пару раз в месяц, я чувствую нечто, и я знаю, ты тоже. Я думаю, если мы начнем настоящие отношения, нам будет хорошо вместе. Что скажешь?

Я выключил телефон, решив заблокировать ее позднее. В Далласе масса других вариантов, множество женщин, которым не надо было от меня ничего больше, чем перетрах и короткий, незначительный треп. Только прочитав слово «связь», я уже понял, что это общение надо заканчивать.

В моем мире связь – это краткий промежуток в расписании. Связать – это совершить короткий полет, ведущий прямо в пункт назначения, и более ничего. Это слово само по себе шаткое, неокончательное и уж точно совершенно неприменимое к отношениям.

Выйдя в гостиную, я начал искать галстук и замер, заметив заголовок, бегущий строкой по нижнему краю телеэкрана.

Новое будущее, начало для «Элитных перелетов», открывается в понедельник.

Светловолосая ведущая интервьюировала одного из прилизанных роботоподобных служащих «Элитных». У него был стандартный набор – белоглазый галстук, значок «Люблю „Элитных“» на грудном кармане и словно приклеенная улыбка. Неважно, сколько полной ерунды исходило из его рта, улыбка оставалась неизменной.

– Ну, Клара, мы же не просто так компания номер один в стране, – представителю «Элитных» вряд ли исполнилось больше двадцати пяти. – Именно поэтому мы так рады слиянию «Фирменного полета» и «Авиалиний Контрера».

– Именно! – хлопнула в ладоши блондинка. – Как раз сегодня утром вы объявили о покупке «Авиалиний Контрера». Какое чудесное время для вашей компании!

– Благодарю, Клара. Это в рамках нашего девиза «Мы делаем все, что можно, чтобы быть лучшими, и неважно, сколько это стоит».

Неважно, сколько это стоит...

Когда по экрану снова пробежал заголовок, я почувствовал, что у меня поднимается давление. Я был уверен, что для большинства зрителей это просто еще один фрагмент бизнес-сообщений, еще одно интервью с представителем самолетной индустрии, достигшем американской мечты, но для меня эти слова означали больше, чем конец эпохи. Они значили что-то, чего я не мог ни забыть,

ни простить.

В ярости я заставил себя вернуться в душ. Я включил воду на полную мощность, пытаюсь сосредоточиться на чем-то другом – на чем угодно, – но все было без толку. Я видел перед собой только этот гадкий заголовок.

Черт побери! Я не пойду вниз в таком состоянии.

* * *

Три часа спустя

– Благодарим, что пришли вовремя, мистер Вестон, – выразительно взглянула на меня доктор Кокс, открывая дверь в комнату совещаний. – Вы намеренно явились сюда с очень ограниченным запасом времени перед своим полетом в Сингапур, или это простое совпадение?

– Это удобное совпадение.

– Ну конечно, – простонала она, провожая меня в комнату. – Садитесь за тот стол.

Войдя, я заметил, что они превратили помещение в некое подобие кабинета профориентации. Вдоль стен расставили постеры и плакаты с политикой компании «Элитных», тут же висел экран для проектора, на отдельном стуле громоздилась стопка сводов законов Гражданской авиации. В углу стояли две большие коробки с надписью: «Дж. Вестон», а стол был завален блокнотами, папками и ручками.

Уже заняв свое место, я увидел на столе два стакана воды с надписью «Для мистера Вестона» и лужицу под ними.

Доктор Кокс тут же уселась напротив меня, и еще один представитель «Элитных», седой мужчина в знакомом бело-голубом галстуке, занял место

возле нее.

– Это мой коллега, Ланс Оуэнс, – сказала она, выкладывая на стол диктофон. – Поскольку вы не торопились присоединиться к нам, наш видеограф ушел. Так что я вынуждена делать аудиозапись нашего интервью, а мистер Оуэнс выступает свидетелем. За время ожидания нам удалось заполнить большинство пробелов в вашем личном деле, так что все это не займет много времени. У вас есть какие-нибудь вопросы, пока мы не начали?

– Никаких.

– Хорошо. – Она нажала кнопку записи. – Это финальное интервью сотрудника № 67581, старшего капитана Джейка Вестона. Мистер Вестон, назовите для записи свое полное имя.

– Джейк К. Вестон.

– Как расшифровывается буква К?

– Как-то не припомню.

– Мистер Вестон...

– Никак не расшифровывается. Просто К.

– Спасибо. – Она подтолкнула ко мне голубую папку. – Мистер Вестон, вы можете подтвердить, что все ваши предыдущие должности указаны в списке верно?

Я открыл папку и обнаружил там один лист с описанием всей моей профессиональной деятельности. Воздушные силы США. American Airways. Air Asia. Air France. «Фирменный полет». Никаких происшествий, никаких крушений, ни одного нарушения.

– Все верно. – Я закрыл и вернул ей папку.

– Тут сказано, что вы получили в авиации тридцать наград за время, прошедшее с окончания вами школы пилотов. Это так?

– Нет. Сорок шесть.

– Знаете, – заметила она, читая что-то на листке. – Большинство пилотов не получают таких наград до пятидесяти или даже шестидесяти лет, пока не достигнут двадцати пяти – тридцати пяти лет опыта за плечами. А у вас без малого двадцать лет, и то с учетом достижений во время учебы, и вам через пару недель исполнится тридцать восемь.

Я моргнул.

– Вы собираетесь прокомментировать мои слова, мистер Вестон?

– Я ждал вопроса. Обычно вы как-то обозначаете это своей интонацией. А сейчас вы просто перечислили факты.

Свидетель рядом с ней криво улыбнулся.

– Продолжим, – щелкнула она ручкой. – У нас возникли проблемы с людьми, которых вы назвали в качестве близких родственников. Телефоны, которые вы указали, оказались телефонными будками в Монреале. Нам нужна актуальная информация, хорошо? И это «хорошо», мистер Вестон, является вопросом.

– Хорошо.

– Начнем с Натаниэля Вестона, вашего биологического отца. Назовите его текущее место работы и телефон.

– Он волшебник. Он возникает и пропадает в моей жизни каждые несколько лет. Следующий раз я попытаюсь выловить его и спрошу номер телефона.

– Как насчет Эвана Вестона, вашего биологического брата?

– Он тоже волшебник. Его талант – изменять вещи, делая их совсем не такими, как на самом деле.

– И никакого телефона?

– Никакого телефона.

– А ваша мать?

– Я не уверен.

– Ваша жена?

– Бывшая жена. Я уверен, что она продолжает разрушать чью-то жизнь, где бы ни была. Посмотрите телефон преисподней.

Она сняла очки.

– Каждый сотрудник «Элитных» обязан предоставить список как минимум из четырех близких людей для контакта. Каждый.

– Ну, значит я стану первым исключением.

– Не думаю. – Она взглянула на свидетеля. – Поскольку мистер Вестон желает развлекаться, мы будем вынуждены задействовать нашу команду по сбору данных. И будьте уверены, мы сообщим в отдел кадров о том, что вы отказывались с нами сотрудничать.

Свидетель кивнул, но я промолчал. Я взял стакан воды и сделал большой глоток, зная, что они в жизни не отыщут никого, кроме, может, бывшей жены. Все было похоронено много десятилетий назад и никогда больше не всплывет.

– Тем временем, – продолжила она, – вы, конечно, можете все же перечислить своих близких в порядке близости, чтобы мы знали, кого извещать первым в случае необходимости?

– Конечно.

– Итак. По шкале от одного до десяти (десять – максимальное значение), насколько вы близки со своим биологическим отцом?

– Минус восемьдесят.

Она поглядела мне прямо в глаза.

– Простите, как? Что вы сейчас сказали?

– Минус восемьдесят, – повторил я по слогам. – Если хотите, можете перемотать пленку и послушать еще раз.

Она покачала головой, и на секунду мне показалось, что она жалеет, что вообще спросила об этом, и сейчас перестанет задавать вопросы. Но она не перестала.

– Мистер Вестон, по той же шкале, насколько вы близки со своим биологическим братом?

– Минус семьдесят.

– С биологической матерью?

– Без комментариев.

– Мистер Вестон?

– Нет.

– Это не вопрос на «да» и «нет», – возвысила она голос. – Все эти вопросы обязательны, особенно с учетом того, что вы дотянули до последней минуты, не считая нашу работу достойной тратой своего времени. Если вы хотите продолжать полеты после вашего последнего рейса в Сингапур, вы должны нам ответить. В противном случае мы можем закончить этот разговор немедленно.

– Это неопределенно. – Я стиснул зубы. – В случае с моей матерью все неопределенно до чертиков.

– Благодарю, – выдохнула она. – Последний вопрос. По шкале от одного до десяти, насколько вы близки со своей женой?

– Бывшей женой, – снова поправил я. – Она вообще не должна никак входить в мое личное дело, но я могу поместить ее где-то между отцом и братом, так что минус семьдесят пять.

– Ну хорошо, – подняла она глаза и почесала затылок. – Если с вами произойдет несчастье, кого бы вы хотели, чтобы мы известили?

– Погребальную контору.

Молчание.

Она отвернулась, словно не зная, что еще сказать. Спустя мгновение протянула рабочий контракт и ручку:

– Вы уже подписывали это, но, пожалуйста, подпишите еще раз у меня на глазах... Погодите. У меня еще один вопрос. Вы уверены, что у вас в рабочем соглашении есть БДК?

– Нет.

– Вы не хотите узнать, что означает БДК?

– Я полагаю, это означает, что я умею считать, а вы – нет. Вы сказали, что предыдущий вопрос – последний.

– Так и есть, – нахмурилась она. – А у вас, случайно, не будет ко мне вопросов?

– Никогда.

– Очень хорошо. Это закрывает заполнение анкеты Джейка К. Вестона для «Элитных перелетов». – Она нажала «стоп» на диктофоне и сунула его в белую коробку с надписью «Действующие пилоты». – Вы можете идти, мистер Оуэнс. Спасибо за время, которое вы нам уделите.

– Не за что, – сказал тот, вставая. – Удачи вам в нашей компании, мистер Вестон.

– Спасибо. – Я тоже начал подниматься с места, но доктор Кокс жестом показала мне, чтобы я остался.

– Я думал, это все, – поглядел я на нее. – Я не заинтересован в общении с вами дольше, чем это необходимо.

– И нас таких двое, – ответила она гораздо более мрачным тоном, чем раньше. – У меня остался один, последний, вопрос не под запись, и потом вы сможете уйти и вернуться ко всему тому, что вы считаете своей бесценной жизнью.

Она подождала, чтобы мистер Оуэнс вышел из комнаты, а затем плюхнула на стол толстую красную папку и уставилась на меня.

– Мне нужно, чтобы вы объяснили мне, каким образом вам удалось пройти психиатрическое освидетельствование шесть недель назад.

– Я подготовился.

– Не морочьте мне голову, Вестон. – Ее лицо налилось краской. – Средний балл нормального опытного пилота по этому тесту равен пяти. А у вас – девять.

– Может быть, тест измерял какой-то другой мой параметр.

Она проигнорировала мой ответ.

– Девять – это почти аномалия. Это значит, что вы не должны были пройти никакие из остальных тестов. Но каким-то образом, согласно заключению врача, вы отлично их прошли.

– Врач был щедр.

– Немного слишком. – Она вытащила из кармана визитку и сунула мне. – Я не могу отрицать, что ваша карьера до сего момента выглядит абсолютно исключительной, но... Ладно, я буду с вами совершенно искренна. У вас самые странные результаты, которые мне приходилось видеть.

– Благодарю за честь, – взглянул я на часы. – Предпочитаю получать награды по имейлу.

– Мне кажется, вы не отдаете себе отчета в серьезности ситуации, – сказала она. – Согласно реальным результатам теста – не тем, которые вы каким-то образом подменили, – вы значительно ниже среднего уровня по трем из четырех эмоциональных показателей. Вы социально замкнуты, но каким-то образом умудряетесь функционировать в своем социальном окружении. – Она свела ладони вместе. – Я, конечно, не тестировала вас лично, но полагаю, вы используете свою работу для ухода от того, что приносит вас страдание. И не только это. Тесты вашего сна показывают высокий уровень...

Я отключился от того, что она продолжала говорить, улавливая лишь отдельные слова типа «психотерапия» и «порог», и мое внимание к ее речи продолжало ослабевать с каждым произнесенным ею словом.

Наклонившись, я стал листать папки на краю стола, переворачивая страницы. Приподняв коробки с папками и тетрадями, я не нашел под ними ничего интересного и опустил их обратно.

Продолжая игнорировать ее речь, я встал и подошел к стене с плакатами про политику компании, остановился перед тем, который гласил: «100 % НЕТ давлению на работников» и подцепил его за край. Медленно потянув, я заглянул за него, обнаружив там только штукатурку.

Ничего...

Я отпустил плакат и поднял другой, потом еще один. Я проверял стену под четвертым плакатом, когда услышал стук ее каблуков.

– Мистер Вестон? – прервав наконец свое пустословие, она подождала, чтобы я обернулся. – Какого черта вы тут делаете?

– Я пытался искать смысл нашей беседы, поскольку он очевидным образом не мог выйти из вашего рта в обозримом будущем.

У нее отвисла челюсть.

– Он пытается выйти прямо сейчас? – спросил я. – И сколько еще я должен простоять тут в ожидании?

Она отступила на шаг и прищурилась.

– Поскольку у вас в личном деле есть БДК, я не могу вынудить вас к обязательной терапии, которую мы предлагаем пилотам в рамках программы охраны здоровья. Но основываясь на результатах ваших тестов, полагаю, что вам очень бы помогли встречи с профессионалом как минимум три раза в месяц. Черт, лучше пять или десять, если вы можете себе такое позволить.

– Видите, как это пошло вам на пользу? – направился я к двери. – Всего десять минут назад вы еще не могли сформулировать эту фигню.

– Я выясню, как вы прошли этот тест, Вестон, – пошла она за мной. – Я наотрез отказываюсь глотать эти результаты в таком виде и обещаю, что когда я найду, как именно вы умудрились убедить нашего лучшего врача дать вам разрешение...

– Как насчет того, чтобы просто спросить у меня то, что вам хочется? – перебил я ее, поворачивая дверную ручку. – Спросите меня.

– Ладно. – Помедлив, она скрестила руки на груди. – Вы соблазнили нашего ведущего врача, обменяв сексуальные утехы на хорошие результаты тестов?

– Прежде всего, – сказал я, открывая дверь, – я никогда никого не соблазнял. Никогда. Во-вторых, если под «сексуальными утехами» вы подразумеваете трахал ли я ее на подоконнике ее офиса до потери дыхания или говорил ли ей встать на колени, чтобы она могла отсосать у меня и проглотить, то тогда да. Но вовсе не в обмен на хорошие результаты. Она уже пообещала мне все это после того, как я продемонстрировал ей оральный секс.

Ее лицо приобрело серый оттенок.

– Я... я вам не верю. Никто из сотрудников компании, не говоря уж о таком высокопоставленном, не пошел бы на подобное...

– Если вы тоже хотите протестировать меня таким образом, – сказал я, достав визитку доктора Кокс из кармана и засунув в ее нагрудный карман, – дайте мне знать. Однако вопреки тому, что вы тут так твердо заявили секунду назад, вам придется проглотить все результаты...

Гейт А2

Джейк

Нью-Йорк (JFK)

Заканчивается посадка на рейс 1487 на Сан-Франциско.

Пассажира Элис Трибью просят срочно вернуться к гейту А13 за своим паспортом.

Рейс 1781 компании American Airlines вылетает в Торонто из гейта 7.

Привычные звуки международного аэропорта Джона Кеннеди приветствовали меня, стоило мне спуститься по трапу неделю спустя. Несмотря на два шестнадцатичасовых перелета и на то, что я толком не спал со времени интервью в Далласе, я не испытывал ни малейшего намека на усталость.

Волоча за собой чемодан, я прошел через терминал под самую пошлую в истории авиации песню, доносившуюся из динамиков. «Полетай со мной» Фрэнка Синатры в сопровождении оркестра вызывала даже у самых лишенных слуха пассажиров желание подпевать, направляясь по своим гейтам.

Пилоты разных авиакомпаний в безупречно выглаженных формах привычно кивали мне, встречаясь со мной в зале. Стюардессы, идущие рядом с ними, краснели и улыбались, подмигивая и приветствуя меня жестами, но я не обращал на них внимания.

Я мог думать только о том, что сегодняшний день официально знаменовал наихудший момент в моей карьере. Новое начало всей той фигни, от которой я надеялся было избавиться.

Когда я в шестнадцать лет начал летать на планерах, все, что относилось к авиации, было искусством. Все, от каждой гайки, каждого инженерного решения в самолете, до собственно полетов, таило в себе интригу, создавая совершенный баланс между ремеслом и вдохновением.

Проектировались новые самолеты, планировались новые маршруты, новаторы вызывали немыслимый восторг, и каждое действие авиакомпаний получало должную оценку в прессе. Зеваки замирали в восторге, глядя снизу на новые самолеты, пассажиры вели себя так, будто им не все равно, стюардессы были больше, чем просто раздатчицы печенья и официантки на высоте десяти километров. А среди пилотов практиковалось искусство беззаботного перелета из города в город, перемещения из отеля в отель и новой женщины в постели каждый вечер.

Но где-то среди новых правил, жадности владельцев компаний и даже развития технологий все это изменилось. Теперь пилот стал не больше, чем водитель автобуса, развозящий по небу неблагодарные пассажирские задницы. И того совершенного баланса ремесла и вдохновения больше не существует; о нем даже никто и не вспоминает.

– Простите, капитан. – Передо мной внезапно возник человек в футболке с надписью I love NY. Он чуть ли не в лицо мне тыкал своим телефоном. – Не могли бы вы нас сфотографировать? Мы пытались сами, но у меня голова никак не помещается в кадр. – Рассмеявшись, он указал на свою семью, двух мальчиков и женщину в желтом платье. Они смеялись, позируя перед плакатом «Добро пожаловать в Нью-Йорк».

Я не стал брать у него телефон. Я смотрел на его семейство, и их хохот с каждой секундой становился все более невыносимым. Один из мальчиков помахал мне, держа в руке игрушечный самолет. Он улыбался и ждал улыбки в ответ.

– Капитан? – переспросил меня муж и отец. – Вы можете нас снять?

– Нет, – отступил я от него, – не могу. – Я заметил идущую в нашу сторону стюардессу и кивнул в ее сторону. – Но я уверен, что она с радостью вам поможет.

Я не дал ему шанса на ответ. Повернулся и ушел в сторону парковки.

Мне надо было скорее попасть в мой чертов дом.

* * *

Позже, тем же вечером

Я остановил машину возле своего дома «Мэдисон» на Парк-авеню и подождал, пока ко мне подойдет привратник.

– Добрый вечер, сэр, – одетый в серый фрак привратник открыл дверь машины. – Как долго вы собираетесь пробыть в городе?

– Четыре дня. – Я вышел и кинул ему ключи. – Поставьте, пожалуйста, поближе к выходу.

– Как угодно, сэр.

Я поднялся к подъезду по каменным ступеням и посмотрел вверх, в ночное небо. Впервые за все время, насколько я помню, звезды не скрывались за серой завесой облаков. Они были яркими и сияли в темноте, возможно, давая каким-нибудь влюбленным мечтателям этого города фальшивую надежду.

– Добро пожаловать домой, мистер Вестон, – открыл мне дверь швейцар, единственная постоянная величина в моей жизни. – Как оно там, в небесах?

– Как всегда, Джефф. Как всегда.

– Вернулись из каких-нибудь интересных мест?

– Из Сингапура. – Я вытащил из кармана шелковый мешочек и протянул ему. – Вот их монеты. Для вашей коллекции.

– Спасибо, сэр, – улыбнулся он. – Между прочим, в моем почтовом ящике на прошлой неделе оказалось пять билетов бизнес-класса в Бельгию. Я не помню, чтобы говорил вам о своем дне рождения, так что, может, вы что-то знаете про этот тайный подарок? Кого мне благодарить?

– Понятия не имею, – ответил я, проходя в двери. – Но это должны были быть билеты первого класса, а не бизнес, так что когда вы выясните, кто вам их подарил, скажите ему, чтобы он велел авиакомпании исправить ошибку.

– Обязательно, – рассмеялся он. – Всего вам доброго, мистер Вестон!

– Спасибо.

Я зашел в подъезд и остановился, давая глазам привыкнуть к яркому свету, льющемуся из канделябров. Владельцы вечно что-то ремонтировали или меняли без всякой надобности, и именно по этой причине я никогда не мог ощутить это место настоящим домом. Популярные сетевые отели, в которых я ночевал во время остановок, всегда казались мне более привычными, а персонал – доброжелательнее.

Я зашел в открытый лифт и провел карточкой по панели. Убедившись, что в кабину больше никто не зайдет, я снова прижал карточку к панели и нажал 80, пентхауз, в котором располагалась единственная квартира.

Все обитатели этого дома так или иначе принадлежали к нью-йоркской элите – судьи, политики, врачи, адвокаты, – и все они платили немислимые деньги за аренду одной из четырех больших квартир на каждом этаже. Мой же этаж был моим и только моим. Этаж с длинной историей, он всегда кому-то принадлежал. Хотя я почти не использовал его, мне не хотелось продавать его владельцам здания, и неважно, насколько весомыми и заманчивыми оказывались предложения, которые они делали мне год за годом.

Как только двери лифта раскрылись, я вышел и отключил камеры безопасности, спрятанные за вазами в коридоре. Проверил провода, чтобы убедиться, что все в порядке, и вернул их в тайные местечки.

Отперев двойные двери, ведущие в мою квартиру, я снял пиджак и включил свет. В основном все выглядело так, как я и оставил – за исключением ерунды, которую уборщица с непонятным упорством вечно переставляла.

Я раздраженно поправил коллекцию банок от кока-колы на полке, вернул охлаждаемые бутылки вина в их правильное положение и закрыл окна, идущие вдоль стен гостиной и кабинета. Кинул в мусор несколько туристических брошюр «Добро пожаловать в „Мэдисон“» и включил кондиционер на полную мощность, чтобы вытянуть новый клубничный запах, исходивший от всех поверхностей в квартире. Отодвинул кабинетное кресло подальше от окна, туда, где ему и полагалось стоять.

Я пошел по комнатам, уже заранее зная, где что окажется не на своем месте. Мне приходилось проходить через это каждые несколько недель.

Убедившись, что все в порядке, я зашел в библиотеку и чуть не потерял сознание от увиденного. Все пять сотен изданий, стоявшие в алфавитном порядке, были переставлены по цветам. И что еще хуже, три мои любимые книги лежали открытыми на столе и несколько страниц в них были смяты и сложены. Непростительное безобразие.

Я вытащил телефон и отправил письмо в управляющую компанию.

Тема: Моя чертова квартира

Всем чертовым заинтересованным лицам.

В двадцать последний раз выражаю возмущение тем, что ваш тупой и бессмысленный персонал переставляет мои вещи в мое отсутствие. Также я возражаю против использования моей квартиры в качестве туристического аттракциона и «демонстрационной модели» для потенциальных арендаторов – как будто бы они смогли бы жить тут, если бы захотели.

Держитесь подальше от моей квартиры, если вы в ней не убираетесь (и прекратите использовать эту клубничную дрянь. Верните лимонную).

Дж. Вестон

Ответ управляющего пришел немедленно.

Тема: На: Моя чертова квартира

Мистер Вестон,

При всем уважении, в двадцать последний раз заверяем Вас, что показывали вашу квартиру туристам лишь однажды, и с Вашего разрешения. Мы не используем ее в качестве «демонстрационной модели», и никогда бы не позволили потенциальному арендатору вообразить, что он может в ней жить.

Мы всегда соглашались на все Ваши требования относительно защиты Вашей собственности – установку дополнительных камер, требование, чтобы никто из обслуживающего персонала, кроме меня, не знал Вашего имени, частную парковку. Строго говоря, для Вас лично и ради Вашего спокойствия были установлены дополнительные камеры над Вашей входной дверью, и, согласно данным нашей службы безопасности, никто, кроме уборщицы, не заходил в Вашу квартиру в Ваше отсутствие.

Однако за прошедшие несколько недель мы замечали, что Вы возвращались домой чаще обычного, и при этом в поздние ночные часы.

Я не хочу намекать на то, что Вы этого не помните, но, возможно, все же Вы сами перемещали предметы в квартире во время этих приходов в позднее время и просто забыли, в каком порядке их оставили?

Прошу простить, если мои слова покажутся вам оскорбительными.

Мы счастливы видеть Вас среди наших жильцов, и если Вам что-либо потребуется, сообщите нам. (Я непременно еще раз напому персоналу перестать использовать «клубничную дрянь» в Вашей квартире. К сожалению, лимонная у нас закончилась. Не устроит ли Вас запах свежеевыстиранного белья?)

Мистер Салливан, управляющий отделом хозяйственного обслуживания дома «Мэдисон» на Парк-авеню

Я не ответил. Мне нужно было подумать.

В несколько последних приездов, когда я ночевал тут, я почти не спал. Просыпался в ледяном поту, выскакивал из постели, спускался вниз. Почти как чертова сомнамбула. Я бродил по почти пустынной Таймс-сквер, пялился на яркие мерцающие вывески, прислушивался к отрывочным разговорам полуночных туристов.

Каждый раз возвращаясь домой, я что-то двигал – но не ради перестановок. Скорее я ронял и бил все, до чего мог дотянуться. То, что я разбивал, я сразу на следующий день замещал, так что в этом нельзя было обвинить персонал, но я не мог припомнить, чтобы мне хватило терпения бессмысленно переставлять всякую ерунду.

Ну или я так не думаю по крайней мере.

Я сел на диван напротив окна и снова и снова попытался вспомнить последние несколько месяцев, не спеша прокручивая перед внутренним взором эти тяжелые, бессонные ночи. Я начал было писать управляющему письмо «Прошу простить за возникшее недоразумение», когда вдруг заметил раскрытый журнальчик с кроссвордами, засунутый под диванную подушку. Целиком заполненные кроссворды вовсе-не-моим-чертовым-почерком.

Я пролистал странички журнальчика, заметив, что заполнена была не только верхняя, но вообще все страницы с кроссвордами. Кто-то решал и заполнял их черными и синими чернилами.

Я знал, что это все дерьмо...

Я начал писать гораздо более подходящий ответ, но тут на экран выскочил новый имейл.

Тема: БДК

Дорогой мистер Вестон!

Я – Ланс Оуэнс, управляющий кадровой службой компании «Элитные перелеты». В прошлые выходные я был свидетелем во время Вашего последнего интервью по личному делу.

Хотя Вы сказали моей коллеге, что не хотите знать, что означает БДК, и Вам еще предстоит ответить на ее письмо по поводу этого определения, я считаю, что Вы должны это знать.

БДК означает, что совет директоров анонимно оценил Ваши предыдущие достижения таким высоким образом, что Вы являетесь бесценным сотрудником «Элитных перелетов». Я прилагаю документ, поясняющий значение этого, и, возможно, когда у Вас появится такое желание, Вы сможете объяснить нам, как Вы, обычный пилот, могли добиться такого результата. Обычно его достигают пилоты, прошедшие в «Элитных» более десяти лет безупречной службы. Хотя, принимая во внимание Ваш послужной список и полученные награды, я совершенно уверен, что Вы полностью этого заслуживаете.

Я надеюсь, Вы будете рады летать для нас.

Др. Оуэнс, управляющий кадровой службой компании «Элитные перелеты».

Я открыл приложенный документ, но сумел прочесть только первый параграф.

Сукин сын...

Джиллиан

ЗАПИСЬ В БЛОГЕ

Шесть лет назад...

О, Нью-Йорк!

Нью-Йорк, Нью-Йорк, Нью-Йорк!

Вся моя семья предостерегала меня от тебя, о город! Они говорили, что ты заманишь меня своими сверкающими огнями и блестящими вывесками, сладким запахом, доносящимся из каждого открытого окна на Уолл-стрит, большими надеждами и мечтами, порхающими над рекой Гудзон. Они говорили, что ты затащишь меня глубоко в ее воды и там утопишь...

– Ты не проживешь там и месяца, – говорила мама. – Это для людей, у которых в жизни действительно происходит что-то важное.

– В тебе нет того, что для этого нужно, и никогда не будет, – говорила старшая сестра.

– Только потом не злись, когда мы скажем: «Мы же говорили», когда будешь проситься обратно, – прислал мне сообщение отец в день, когда я уехала. И добавил: – Ты обязательно вернешься, Джиллиан. Максимум через месяц.

Ну что ж, я выжила больше месяца. Прошло ПОЛГОДА, и я доказала, что все трое (и все остальные в моей осуждающей семейке) оказались неправы. Ни разу. Не Правы.

Всего лишь в двадцать три года я живу, как в самых смелых мечтах. Я живу в полностью меблированной квартире на Лексингтон-авеню, напротив Центрального парка, каждую неделю встречаюсь в кафе с красивыми парнями, для которых рыцарство и романтика совсем не пустой звук, и работаю в одном из самых завидных мест на Манхэттене. (Ну да, я в основном бегаю, разнося кофе, и утопаю в бесконечной черной работе, но это место, в котором я мечтала работать с тринадцати лет, так что мне плевать.)

И как будто всего этого было недостаточно, сегодня утром я получила новость «этого-не-может-быть», про которую пока не могу рассказать. Но все равно чувствую, что скоро напишу об этом.

Вообще-то я просто хотела начать блог заново, потому что мой предыдущий тихо умер забытым. А что может быть лучшим началом, чем рассказ о том, что моя жизнь просто не может быть еще лучше?

Надеюсь, так будет всегда.

Напишу позже,

Джиллиан Тейлор

Джиллиан

ДЖ. Т.

Т. Дж.

ТейДж

Тейлор Дж.

Комментариев нет

Гейт А3

Джиллиан

Нью-Йорк (JFK). Сегодня

Кажется, я ненавижу свою жизнь...

– Хорошего дня в Нью-Йорке! – улыбалась я проходящим мимо меня пассажирам первого класса на выходе из самолета. – Спасибо, что выбрали «Элитные перелеты»! Наслаждайтесь городом!

– Надеемся, вам понравился наш полет! – присоединилась ко мне Кристина, другая стюардесса. – Мы были рады лететь с вами!

Бывали дни, когда я на самом деле верила в эти свои слащавые слова, но сегодняшний день к ним не относился. Хотя все пассажиры оказались вполне вежливыми, сегодняшний рейс стал не больше, чем повторением всех остальных, на которых я работала в этом году. Это напомнило о том, что я все еще не «настоящая» стюардесса, что я все еще «в резерве». Все еще пытаюсь понять, когда же все посулы ежемесячного журнала для сотрудников компании станут для меня правдой.

Каждое третье воскресенье месяца, как по часам, глянцевого журнал «Наши полеты» возникал в моем почтовом ящике, дразня меня красивыми картинками и несбыточными обещаниями, напоминающими о том, почему я вообще пошла на эту работу. Идея заключалась в том, чтобы за один месяц оказаться в местах вроде Лондона, Милана и Токио. Получить возможность гулять по виноградникам и сельским живописным местам в свободные дни. Ну и еще несколько тщеславная мысль о том, как я буду шествовать по аэропортам мира в знаменитом синем форменном платье и специально выпущенных для авиакомпании туфлях «Лабутен», прямо как те гламурные девушки из рекламы.

Но я упустила то, о чем было написано мелким шрифтом. Что это только «возможность» летать в прекрасные места день за днем, а «прогулки» будут состоять из пяти шагов до аэропортовской развозки, везущей в дежурный отель. И пока я не выйду из резерва, я стану получать назначения в самый последний момент, на короткие перелеты, потому что старшие стюардессы уже заняли места на самых лучших маршрутах.

– Мне кажется, или это действительно самые тормозные пассажиры, каких я только видела? – прошептала Кристина себе под нос.

– Точно самые тормозные... – я увидела, что ряды с пятнадцатого по тридцатый только начали вынимать вещи из верхних багажных отделений.

Я сегодня точно опоздаю...

– Джиллиан, тебе уже разрешают выбирать рейсы, или ты еще в резерве? – спросила она.

– В резерве.

– Правда? Последний раз мы виделись год назад, и ты все еще в резерве? – казалось, она мне не верит. – Не говори, что они все еще кормят тебя этими байками: «Подождите, пока мы не разберемся с нашими назначениями».

Я состроила печальную рожицу, и она рассмеялась.

– Извини. Если тебе от этого будет легче, ты хотя бы живешь в Нью-Йорке. Тебе не надо делить койку с кучей незнакомых девушек из резерва.

– Ну, наверное, – сухо ответила я, и она понимающе улыбнулась.

Кажется, мы уже вечность стояли в дверях самолета, продолжая бодро улыбаться, пока хоккейная команда в задних рядах еле шевелилась, как стадо тюленей.

Когда последний хоккеист наконец вышел из самолета, я схватила сумку, быстро попрощалась с Кристиной и пилотом и побежала по рукаву. У меня оставалось ровно двадцать минут, чтобы успеть на следующий автобус до Манхэттена.

Выйдя в седьмой терминал, я мчалась мимо гейтов, на каждом шагу обгоняя толпы путешественников. Я бежала, и бесконечные вывески ресторанов, витрины магазинов и кафе сливались в сплошную яркую череду. Разговоры туристов, споры работников гейтов, объявления по громкой связи звучали для меня фоном, я же слышала только стук своих каблучков по свежeweымытым полам.

Когда я добежала до выхода, платье задралось на мне почти до бедер, но я не могла тратить время на то, чтобы поправить его, и продолжала бежать, обегая прохожих, пока не добежала до отдела выдачи багажа.

У меня оставалось несколько минут, и я скользнула в туалет и заперлась в одной из кабинок. Отстегнула свой полетный значок и бейджик, засунула их в сумку и стянула через голову форму, быстро заменив ее винтажным черным коктейльным платьем с ниткой фальшивого жемчуга.

Опершись о дверь кабинки, я сняла серые туфли и сунула ноги в блестящие красные лодочки.

Торопясь, я выскочила из кабинки, чуть не споткнувшись о снятые туфли, и встала перед зеркалом. Несколько раз моргнув, я увидела, что мои веки ровно покрыты «дружеским нежно-розовым» оттенком теней, как требовала авиакомпания, а на губах все еще сохранился ярко-алый блеск для губ.

Неплохо...

Я распустила уложенные в пучок волосы, торопливо пробежала пальцами по рассыпавшимся кудрям и выбежала в зал выдачи багажа.

Расталкивая ожидающих багаж пассажиров, я изо всех сил помчалась на остановку автобуса. Увидев, что мой автобус как раз отчаливает, я отчаянно замахала ему с криком: «Подождите, пожалуйста!» – но все было бесполезно. Он отъехал, прежде чем я успела к нему подбежать.

Фууу...

Чертыхаясь, я вытащила телефон и вызвала «Убер». Ожидая машину, я заметила группу женщин, которые смотрели на что-то вдалеке. Они краснели, как школьницы, показывали куда-то пальцами и хихикали, словно встретили знаменитость.

Я проследила взглядом, куда они глядят, но заметила там только пилота. Спину пилота. Он шел к черной машине, глядя в свой телефон. Пальцы стучали по экрану, на плечах, привлекая внимание, поблескивали четыре золотые полосы. По его походке можно было предположить, что он чертовски наглый – из тех мужчин, которые уверены, что весь мир крутится исключительно вокруг них. Из тех, кто никогда никого ни о чем не спросит. Когда он садился в машину, я попыталась разглядеть его лицо, чтобы убедиться, что он ни в коем случае не может быть настолько хорош, как воображали себе эти тетки. Пилоты обычно совсем не так молоды и редко бывают симпатичными. Только наглыми, самоуверенными и развратными. В основном развратными.

– Это вы Джиллиан? – крикнул мне человек из красного джипа. – Это вы ждете «Убер»?

Я кивнула, и он вышел из машины, открывая мне дверь.

– Бродвей 233, – сказал он, возвращаясь на водительское место. – Вы едете в здание Вулворта?

– Да.

– Хорошо, ремень. – Он отъехал от тротуара, в теплый нью-йоркский дождь.

Дворники на переднем стекле попискивали, качаясь туда-сюда, машины в пробке гудели, требуя пропустить их. Понимая, что окажусь в Манхэттене позже чем обычно, я послала сообщение своему другу Бену.

Джиллиан: Только недавно приземлились. Заказала «Убер», сижу в пробке.

Бен: «Убер»? Господи, Джиллиан. Почему бы тебе не воспользоваться нашим семейным шофером. Мы же не против.

Джиллиан: Может, в другой раз. Как проходит мамина вечеринка?

Бен: Отлично. Все сливки собрались, никого не осталось, и от прессы некуда ступить.

Джиллиан: Класс... А мы с тобой идем в «Хемингуэй», когда все закончится? Я, правда, хотела с тобой сегодня поговорить.

Бен: Конечно, детка. Все, что хочешь J

Я не ответила.

«Конечно, детка. Все, что хочешь» почти всегда означало: «Скорее всего нет». Бен не любил никаких конфликтов. А еще ему не нравилось, что в последнее время я постоянно указывала ему на произошедшие в нем перемены. Даже если он не хотел признавать этого, но он перестал быть милым, нормальным парнем,

в которого я влюбилась много лет назад, и превратился в мужчину, помешанного на богатстве, для которого внешнее впечатление всегда важнее сути.

Обычные свидания, на которых нам было так хорошо, больше ему не нравились, а поскольку теперь мы виделись гораздо реже, то наша бурная страсть стала едва мерцающим огоньком. Наши разговоры теперь получались краткими и малоосмысленными, типа «Как дела?», «Как прошел день?» и «Скоро увидимся». Мы стали походить на любовников, запертых в рамки долгого брака – держащихся друг за друга по привычке, старающихся оставаться на той же странице. Проблема заключалась в том, что эти страницы теперь были из разных книжек.

Вздохнув, я откинулась на подголовник, но не успела задремать, почувствовав, как под рукой дрожит телефон. Звонила мать.

Я подумала, стоит ли отвечать – предыдущие двадцать звонков ушли на автоответчик, но в конце концов на последнем звонке все же ответила.

– Алло?

– Алло, Джиллиан? – голос звучал обеспокоенно. – Где ты была? Я звоню тебе уже две недели.

– Прости. Я была очень занята на работе.

– Ну не настолько же. – Она раздраженно цокнула. – Я даже звонила тебе на работу, но там никто не отвечает. У тебя что, сменился рабочий номер?

– Не знаю. Проверю на этой неделе в техническом отделе.

– Ладно, – сказала она. – Неважно. Теперь, когда я убедилась, что ты жива, я хочу сообщить тебе отличные домашние новости, которые ты пропустила. – Она откашлялась. – Эми и Миа почти приняли в Национальный почетный фонд научной охраны здоровья. Они будут самыми молодыми учеными, которых туда пригласили. Ты хоть представляешь, как я ими горжусь? Как здорово, когда твои дети реально достигают чего-то важного?

Я прикусила язык, жалея, что не отправила на автоответчик и этот звонок.

– У Клэр на той неделе должна выйти статья в научном журнале, а твой старший брат Брайан на прошлой неделе выиграл свой сотый процесс. Разве не потрясающе?

– Потрясающе...

– Правда же? Не жалеешь, что отказалась от стипендии Массачусетского технологического института, как все остальные члены семьи? Кто знает, что могло бы из тебя выйти?

– Ты так говоришь, как будто я торгую наркотиками.

– А ты не торгуешь наркотиками?

Какого черта...

– Что? Нет! Почему ты вообще спрашиваешь меня об этом?

– Потому что с тобой никогда не знаешь... – Она казалась совершенно серьезной. – То, как ты не отвечаешь на звонки или шепчешь что-то, иногда меня просто ошарашивает. Вот честно. И не только! Сам факт, что ты продолжаешь жить в Нью-Йорке и никогда не просишь у нас денег...

– Это тебя удивляет?

– Разочаровывает. – Она помолчала. – Либо ты слишком горда, чтобы попросить, потому что понимаешь, что мы были правы насчет твоего отъезда в этот город, либо занимаешься чем-то незаконным, чтобы заработать на жизнь, и тогда тебя неизбежно рано или поздно поймают. И когда это случится, я уверена, что тебе придется позвонить с просьбой внести за тебя залог.

Я покачала головой, не зная, что ответить, и просто сказала свое обычное:

– Прости, что не беру трубку чаще. Я работаю больше пятидесяти часов в неделю, потому что мы давно не принимали новых практикантов.

И это была правда. Точнее, была бы правда шесть лет тому назад.

– Ты уверена, что больше ничего не происходит? – спросила она. – Материнское сердце подсказывает мне, что что-то не так.

– Уверена, – закатила я глаза. Если бы материнское сердце могло ей что-то подсказывать, оно сделало бы это давным-давно.

Сменив тему, она долго причитала насчет «новых интереснейших» исследований, которые проводит, не останавливаясь даже перевести дух. Я почти не слушала, глядя в окно на усиливающийся дождь.

– Но я могу ждать тебя домой в ближайшие пару месяцев ради большого сюрприза? – спустя какое-то время спросила она.

– Что за «большой сюрприз»?

– Брайан сделал предложение своей подруге, она дочь мэра. Они планируют огромный праздник. Он сказал мне, что несколько месяцев назад писал тебе об этом.

– А, ну да, – вспомнила я, и вспомнила, как ответила ему, что не приеду. – Я попытаюсь приехать. Прямо сейчас посмотрю билеты на самолет.

– Отлично! Ну, я не хочу отвлекать тебя от... А что, собственно, ты сейчас делаешь?

– Правлю текст. Проверяю факты в нескольких статьях этой недели.

– Конечно. Звучит... Звучит интересно.

– Так и есть.

Молчание.

– Ну... – она снова откашлялась. – Звони в любое время, когда вспомнишь, что у тебя есть семья, или когда захочешь со мной поговорить.

– Я всегда помню. До свидания, мама.

– До свидания, Джиллиан. Я тебя люблю.

– Я тоже.

Я отключилась, прежде чем она успела сказать что-то еще, прежде чем мое сердце сможет вынести очередной удар. Наши разговоры всегда получались краткими и неловкими. Они всегда жестко напоминали мне о том, что, сколько бы времени ни прошло, я навсегда останусь в этой семье черной овцой. Буквально.

Для начала я родилась единственной брюнеткой в семействе загорелых блондинов, что стало постоянной шуткой типа: «Ха! Наша младшенькая сделала все, чтобы на нее обращали больше внимания!» А поскольку я была младшей из пяти детей, то все, что бы я ни делала, всегда сравнивалось с теми, кто был до меня.

Мой брат и все старшие сестры всегда были круглыми отличниками в своих классах престижных школ; я была не круглой. Каждый из них с легкостью выигрывал любое научное состязание, в котором участвовал; я же получала только поощрительные отзывы. Все они, как и наши родители, всемирно известные нейрохирурги, получили стипендии в МТИ; я никогда не хотела туда поступать. Вместо этого я согласилась на ранний прием в Бостонский университет.

Все наши семейные обеды и общие сборы характеризовались бесконечными похвалами за всевозможные достижения, но что касалось меня... «Ну, Джиллиан это... Джиллиан».

Я не понимала, почему они продолжают приглашать меня домой, особенно с учетом того, что я делала все возможное, чтобы не возвращаться туда. Если бы я могла не появляться там до восьмидесяти лет, то, наверное, так бы и поступила.

И уж точно я не поеду домой ради предложения...

Машина, резко дернувшись, внезапно остановилась, и я поглядела в ветровое стекло. Несколько полицейских машин мигали сине-красными огнями, «Скорая помощь» мчалась по выделенной полосе.

Поскольку мы, очевидно, должны были добраться до Манхэттена еще позже, я прислонилась к окну и задремала.

* * *

Я проснулась через час и увидела, что машина пробирается по Бродвею, а до здания Вулворта осталось еще несколько кварталов.

В моем телефоне было три новых сообщения от Бена, и все касались не меня, а внешних эффектов.

Бен: Если твой «Убер» – машина не люксовой марки, скажи ему высадить тебя у заднего входа, чтобы про тебя не подумали, что ты официантка или кто-то в этом роде.

Бен: Сенатор с женой уже прибыли, так что сделай так, как я говорю. Нельзя, чтобы моя девушка ездила на чем-то, кроме автомобилей класса «люкс».

Бен: Пожалуйста, скажи, что на тебе одно из платьев, которые тебе купила твоя соседка. Из тех, дизайнерских.

Я закатила глаза, а машина тем временем подъехала к входу в здание безо всякого учета этих идиотских требований. Я заметила, что у входа стояли только швейцары и привратники, а вокруг не было никаких шикарных машин и лимузинов.

Я дала водителю пятерку, вышла, держа над головой зонтик, и начала подниматься по ступенькам туда, где стояли два привратника.

Они хором сказали: «Добрый вечер» и открыли передо мной дверь, впуская в сверкающее золотое фойе. К моему удивлению, огромное пространство оказалось совершенно пустым.

Прежде чем я успела спросить, куда же мне идти, из лифта вышел служащий в белом костюме и пригласил меня пройти.

– Вы же подруга Бена Уолша, верно? – спросил он.

– Предположительно. Это зависит от того, какой сегодня день недели.

Он рассмеялся и нажал верхнюю кнопку.

– Я бы сказал, это более чем предположительно. Он уже шесть раз спрашивал меня, не приехали ли вы. И описал вас мне до последней черточки.

– Это как?

– Я процитирую дословно, – сказал он. – Прелестная женщина с длинными вьющимися темными волосами и парой самых обворожительных изумрудных глаз, какие вы когда-либо видели. Так я и понял, что это вы.

Я покраснела, испытывая неловкость из-за того, что раздражалась на Бена.

– Спасибо. Я скажу ему, что это очень мило.

Он кивнул и повернулся к двери, чтобы смотреть на загорающиеся над дверью цифры, отмечающие этажи. Когда на табло появилась цифра 57, двери внезапно открылись, и нам в лицо запылили вспышки фотографов.

– Это кто-нибудь известный? – закричал кто-то, перекрикивая шелканье камер. – Она – кто-то?

– Потом выясним. Ты, главное, снимай!

Прикрывая глаза ладонью, я вышла с линии огня и оказалась в бальном зале, где проходило основное событие – презентация журнала Cosmopolitan.

Зал утопал в прелестных серебряных и белых украшениях, обложки всех предыдущих выпусков журнала красовались на расставленных повсюду небольших стендах. Официанты, поднимая над головами подносы с бокалами шампанского, сновали сквозь толпу. Тут собрался почти весь высший свет Нью-Йорка, улыбающийся прессе своими безупречными улыбками. Немыслимое богатство, одетое в тысячедолларовые платья и безукоризненно сшитые костюмы, ощущалось на расстоянии нескольких миль. Сюда пришли люди, ищущие любого повода показать себя, люди, готовые прийти куда угодно, лишь бы их лица мелькнули на страницах газет.

Я продвигалась в толпе в поисках Бена, улыбаясь и здороваясь с немногими знакомыми. Через несколько минут я написала ему: «Ты где?», но он не ответил.

Зная, что он наверняка занят тем, что позирует для бесконечных фотографий со всеми местными знаменитостями, я взяла у официанта бокал шампанского и подошла к окнам, выходящим на Бруклинский мост.

Но на полпути к окну передо мной оказались родители Бена – госпожа Главный редактор Cosmopolitan и господин Волк с Уолл-стрит. Как всегда, рыжие волосы его матери были безупречно уложены, а платье своим цветом повторяло оттенок ее синих глаз. Отец с медно-рыжими волосами и темно-кариими глазами выглядел так, словно только что сошел со сцены политической драмы. Бен был его точной копией.

– Добрый вечер, Джиллиан, – протянула мать руку с великолепным маникюром. – Ты сегодня чудесно выглядишь.

– Спасибо, миссис Уолш.

– Не за что. Бен уже все комнаты обегал в поисках тебя. Ты его видела?

– Еще нет.

– Ну, вы сейчас встретитесь, – пожал отец мне руку. – Он сказал, что ты втайне хочешь поступить на работу в мою фирму. Это правда, Джиллиан?

Черт, нет...

– Возможно, мистер Уолш. Но я не скажу.

– Ха! Я так и знал! Подай на этой неделе заявление, и я найму тебя на любую стартовую позицию, не задавая вопросов. Я всегда говорил Бену, что ты – отличная добыча. Я знаю, что тебе нравится работать в твоей благотворительности и в этом техническом стартапе, но если ты войдешь в семейный бизнес, я уверен, тебе будет гораздо интереснее.

– Какой благотворительности? – спросила я.

– Какой благотворительности? – рассмеялся он. – Джиллиан, не скромничай. Хотя мне это нравится, – понизил он голос. – Нет ничего плохого в том, чтобы работать для бедных. Я и сам каждый год с удовольствием даю бесплатные консультации. Это дает перспективу... И хорошо сказывается на налогах.

– Еще бы, – выдавила я улыбку, думая про себя, какого черта Бен скормил своему папочке столько вранья про меня и мою работу.

– О-о-о! – схватила с подноса бокал шампанского мать Бена. – Вон там редактор отдела поп-культуры Wall Street Journal. Мне нужно убедиться, чтобы она написала именно то, что я ей скажу. – Она одарила меня прощальной улыбкой. – Наслаждайся вечером, Джиллиан. И обязательно присоединяйся к нам через час во время официального тоста.

И они с мистером Уолшем исчезли в толпе.

Я снова проверила телефон, думая, что Бен наконец ответил. Убедившись, что нет, я преисполнилась решимости отыскать его и настоять, чтобы мы ушли отсюда и поговорили. Немедленно.

Обходя зал, я проверила каждый стол с коктейлями, каждый фонтан с шампанским, каждый стол с сырами и вином. Я даже посмотрела в туалетах. Я

уже почти собралась попросить диджея позвать Бена в паузе между треками, как вдруг углом глаза заметила его стоящим в углу у окна. С другой женщиной.

Я подошла поближе, надеясь, что меня подводит зрение, но с каждым шагом характерные черты Бена становились все четче, а те же руки, что обнимали меня, гладили задницу брюнетки в слишком коротком платье. Она прижималась к его плечу, он что-то шептал ей на ухо, а ее костлявые пальцы перебирали его волосы.

– Я не помешала? – подошла я прямо к ним. – Бен?

Они тут же отскочили друг от друга, глядя на меня раскрытыми от ужаса глазами. Девушку я несколько раз видела раньше, это была одна из сотрудниц фирмы отца Бена.

– Ой, Джиллиан, привет! – сказала она, покраснев.

Не дождавшись моего ответа, она быстро исчезла, оставив нас с Беном вдвоем.

Бен кашлянул.

– А я тебя искал.

– Думал, я прячусь у Алисон в заднице?

– Это не то, что ты думаешь, – сказал он. – Как у тебя прошел день, детка?

Я не ответила.

– Ладно, я расскажу про свой. У меня все отлично. Я закрыл две сделки – очень мило с твоей стороны, что спросила, – и еще нашел несколько мест, куда бы хотел съездить с тобой летом. Ну, а как у тебя?

Я моргнула.

– Ну ладно, – он казался совершенно невозмутимым. – Что тебя так задержало?

– Ты же не можешь искренне считать, что мы просто закроем глаза на то, что ты чуть не трахнул Алисон на глазах у всей публики?

– Джиллиан, я ее не трахал. Если бы я это делал, поверь мне, ты бы об этом узнала.

– Бен...

– Полагаю, уж я бы сообразил не делать на публике ничего подобного, тебе не кажется? – фыркнул он. – Господи, да тут дальше по улице стоит «Хилтон» и у меня там бесплатный номер. Уж, наверное, я бы отвел ее туда, чем прямо тут-то.

Я смотрела на него в полном замешательстве.

Он рассмеялся, подошел ко мне и положил руки на плечи.

– Да брось, Джиллиан, научись уже веселиться хоть немножко.

– Научись шутить как следует, – шарахнулась я от него. – Зачем ты ее лапал?

Он досадливо потряс головой, словно я начала его раздражать.

– Я же сказал, что мы отсюда пойдем в «Хемингуэй» и там обсудим все, что хочешь. Тебе так надо заводить этот ненужный разговор здесь и сейчас?

– Немедленно.

Застонав, он схватил меня за руку и протащил мимо группки пиджаков на небольшой лестничный пролет. Открыв дверь, он вывел меня на полузакрытую крышу.

Дождь утих до мелкой мороси, зато вовсю гулял ветер. На дальнем от нас конце крыши сидел человек в белом фраке. Он громко распевал, аккомпанируя себе на стоявшем там же рояле так, словно нас тут и не было.

– Любовники в Нью-Йорке, – тянул он, – ищут тайные места-а-а...

– Ладно, Джиллиан, – сказал Бен, вставая передо мной. – Я не собираюсь спорить с тобой, потому что мы выше этого. Но о чем бы ты ни хотела поговорить со мной сейчас и в «Хемингуэе», я готов.

– Ты мне изменяешь?

Вопрос сорвался с моих губ раньше, чем я успела его обдумать. Я никогда раньше ничего подобного не спрашивала.

– Я – что?

– Ты мне изменяешь?

– Джиллиан...

– Это простой вопрос, Бен. Да или нет?

Он помолчал несколько секунд, засунул руки в карманы и тут же вытащил их обратно, глядя на меня так, словно не знал, что сказать. Так продолжалось, пока пианист не начал новую песню. Тогда Бен наконец посмотрел мне в глаза.

– Я не изменяю тебе, – сказал он. – Технически.

– Технически?

– Дай мне объяснить. – Он шагнул ближе и заправил мне за ухо прядь волос. – Это просто секс, Джиллиан. Только секс.

– Мы занимаемся сексом, Бен. Кучей секса. Ты что, спишь с этой Алисон?

– Я не спал с Алисон... пока что. – Казалось, для него это не имеет значения. – И у нас с тобой вовсе не «куча секса». В этом-то и проблема. Пять или шесть дней без секса – слишком долго в нашем возрасте. Не говоря уж о том, что иногда я не вижу тебя неделями, пока ты там летаешь, как будто стюардесса, или работаешь на этой своей странной работе, которую я даже назвать как следует не могу.

– Ответственный домоуправляющий, – сказала я. – И что ты имеешь в виду, говоря: «как будто стюардесса»?

– Именно то, что сказал. Да я сам летал за последние полтора года больше, чем ты, и в места, которые гораздо дальше, чем час или два лета.

– И ты поэтому наврал своему отцу, где я работаю?

– Нет, я наврал ему, чтобы он не объединился с матерью и не приставал ко мне, чтобы я тебя бросил. Девушка, которая убирает чужие квартиры и раздает печенье в небесах – не совсем то, что принято в наших социальных кругах. – Он взглянул мне в глаза. – Но, несмотря на все это, ты правда мне нравишься – да черт, я тебя практически люблю. И не хочу, чтобы небольшая невинная ложь и несколько перетрахов с девицами, на которых мне наплевать, встали между нами.

Я почувствовала, что по моему лицу катится слеза, что мое наивное сердце готово разбиться.

– И сколько было этих девиц, Бен?

– Ты обращаешь внимание не на то, – погладил он меня по плечу. – Я только что сказал, что практически люблю тебя. Ты должна в ответ сказать, что тоже любишь меня, и мы пойдем и отыщем местечко, чтобы познакомиться заново. Желательно тихое и уединенное.

– Скольких девиц ты перетрахал за моей спиной, Бен? – почти закричала я.

– Любовники в Нью-Йорке, – прорвался сквозь ветер голос пианиста, – они ссорятся в Нью-Йорке-е-е...

– Десяток или около того, – неохотно выдавил Бен. – Но ты же видишь, я всегда возвращался к тебе. Я никого не приглашал на свидания, ни с кем не разговаривал по телефону столько, сколько с тобой, и уж точно не стал бы звать никого из них к себе на ночь, как тебя. Я использую их только для секса. А ты мне нравишься как человек, мне на тебя не наплевать.

Он продолжал объяснять мне свои извращенные взгляды, а я плакала и проклинала себя за то, что каким-то образом умудрилась пропустить все тревожные сигналы. Затянувшиеся до позднего вечера встречи на другом конце города, телефонные звонки среди ночи, внезапная озабоченность своим богатством и тем, что «надо хорошо выглядеть, мало ли с кем придется встретиться днем».

Я подумала обо всех вечеринках, куда мы ходили вместе – не означали ли улыбки и приветствия других женщин чего-то большего, чем просто «привет»? Не выводил ли он меня в свет в качестве временной подружки, которая в курсе всех его романов на стороне?

– Джиллиан, ты выглядишь, как олень в свете фар, – сказал он неожиданно ласковым тоном.

– Я и чувствую себя именно так... А было ли вообще время, когда ты ни с кем не спал у меня за спиной?

– Первые месяцы, когда мы были вместе, – признался он. – Тогда я спал только с тобой.

– Но мы вместе несколько лет.

– И можем быть вместе гораздо дольше... Если ты согласишься бросить эти свои чернорабочие занятия и хотя бы вернешься на свою старую работу – на ту, настоящую, серьезную, или согласишься работать в фирме у отца. Может, тогда у нас будет совпадать расписание, и мне не придется спать с другими. Мы оба в этом виноваты, Джиллиан. Оба.

Я отступила на шаг и подавила рыдание. Я не хотела, чтобы он видел, как я сломалась.

– Любовники в Нью-Йорке... – запел пианист в десять раз громче, чем прежде, – любовники рыдают...

– Да заткнись ты уже, – заорала я на него, давая выход своей боли и ярости.

Сделав глубокий вдох, я начала было извиняться, но пианист все равно не обратил внимания на мой крик и продолжал петь.

– О, детка! – Бен раскрыл руки и сделал шаг ко мне, чтобы обнять. – Не плачь, все в порядке. Иди сюда.

– Не трогай меня. Не смей меня трогать.

– Хорошо. Давай тогда договоримся сейчас, прежде чем вернемся на праздник, – сказал он. – Мне не нужно, чтобы ты устраивала сцены на виду у всех знакомых моих родителей. Как бы ты хотела договориться по всем нашим разногласиям? – он начал ходить передо мной туда-сюда. – Я готов прислушаться к твоим идеям, но если ты хочешь, чтобы я спал только с тобой, ты должна пойти на крупные перемены и дать мне время снова привыкнуть к ним.

Я не проронила ни слова. На это не стоило тратить слов. Ни теперь, ни когда-либо. Все было кончено.

Я повернулась и пошла прочь, не обращая внимания на его слабые возгласы протеста. Ни разу не обернувшись, я пробралась через толпу гостей, натянув на лицо профессиональную пластиковую улыбку в ответ на кивки и приветствия. Не желая сталкиваться с толпой фотографов у лифта, я прошла вниз по лестнице несколько этажей, и там вызвала лифт, в котором спустилась к выходу.

При каждом шаге у меня тяжело вздымалась грудь, а по щекам текли слезы. Каждый шаг напоминал мне о том, что я только что разорвала односторонние отношения, которые казались такими многообещающими. То, о чем я хотела поговорить несколько часов назад, теперь казалось мелким и незначительным на фоне тех проблем, которые поднял Бен.

Дойдя до выхода из подъезда, я обнаружила, что дождь снова усилился. Он шел даже сильнее, чем был, когда я сюда приехала.

– Мисс Тейлор? – раздался позади меня низкий мужской голос. – Мисс Тейлор?

– Да? – я обернулась и увидела позади себя семейного шофера Уолшей, Френсиса.

– Вы уже уходите? – спросил он. – Одна?

Я кивнула.

– А мистер Уолш поедет с вами?

– Нет, и я тоже не еду, – сказала я. – Мне больше ничего не нужно от мистера Уолша.

Не обращая внимания на мои слова, он достал большой черный зонт и открыл передо мной дверь. Раскрыв зонт, он жестом показал мне, чтобы я шла с ним.

– Мне сказали отвезти вас домой, мисс Тейлор. – Он явно не собирался оставлять меня в покое. – Мне поручили это еще до того, как вы приехали.

– Ну, если так... – вздохнув, я пошла вместе с ним к длинной черной машине.

Когда он усадил меня на переднее сиденье и включил кондиционер, я достала телефон и увидела там целый поток новых сообщений.

Бен: Вместо того чтобы ехать в «Хемингуэй», я скажу Френсису отвезти нас к тебе, чтобы мы могли нормально обо всем поговорить позднее.

Бен: Я готов приехать в твою квартиру в Бруклине, Джиллиан. В БРУКЛИНЕ! Если это не называется компромиссом и попыткой договориться, то я не знаю, как это назвать.

Бен: Ты что, ушла с праздника? Ты ПРАВДА ушла до того, как мы сделали общее фото?

Бен: Ответь на мои звонки, Джиллиан. Немедленно.

Бен: Джиллиан...?

Френсис вывел машину на Шестую авеню, и я вытерла вновь набежавшие слезы. Последнее, что мне хотелось сегодня ночью, так это проснуться от стука Бена в дверь моей квартиры.

Машина остановилась на светофоре, и тут до меня дошло, как можно прекрасным образом избежать ночного визита Бена.

– Френсис? – спросила я.

– Да, мисс Тейлор?

– Можно, вы отвезете меня не ко мне домой, а в другое место?

– Смотря насколько безопасно это другое место, – он посмотрел на меня в зеркало заднего вида и нахмурил брови. – Бар – это неприемлемый вариант.

– Это не бар. Это здание «Мэдисон» на Парк-авеню.

– А, – сказал он с улыбкой, – да. Ваша другая работа. Это безопасно. Полагаю, вы не хотите, чтобы я говорил мистеру Уолшу, куда вас отвез?

– Да. Пожалуйста, не говорите ему.

Френсис кивнул и, когда зажегся зеленый свет, развернулся и поехал в другой конец Манхэттена. Миновав главный вход, он остановил машину сзади дома, вышел, открыл мне дверь и снова раскрыл зонт над моей головой.

Словно зная, что мы с ним наверняка больше не увидимся, он передал мне зонт и пожал мне руку, пожелав всего наилучшего.

Я знала, что он не вернется в машину, пока не увидит, что я зашла внутрь, так что я заранее вытащила свой электронный пропуск и сразу прижала его к двери. Войдя и закрывая за собой дверь, я напоследок помахала Френсису.

Схватив со стойки туристическую брошюру «Мэдисон», я поднесла ее к лицу поближе, притворяясь, что изучаю ее, и так прошла мимо офиса своего начальства. Хорошо, что там присутствовала только ночная смена, с которой я

редко пересекалась, и все они были заняты работой за компьютерами и ответами на телефонные звонки.

Наклонив голову, я прошла холл, пересекла лобби и дошла до служебных лифтов.

Как только двери открылись, я зашла внутрь и нажала кнопку «80», зная, что весь этот этаж и расположенная на нем квартира, как обычно, совершенно пусты. Забавно, что тот, кто там жил – вернее, едва появлялся, – всегда очень настойчиво выступал за самый высокий уровень охраны. Квартиры, в которой почти никогда не бывал.

Камеры там были установлены по всему коридору, над дверью, а еще действовал дополнительный пароль для входа на весь этаж. Но поскольку именно я всегда там убиралась, то прекрасно знала, как обойти все эти меры безопасности.

Выйдя из лифта, я на секунду придержала двери, подождав, пока камера в коридоре повернется налево, что даст мне целых десять секунд на то, чтобы проскользнуть незамеченной. Я быстро отключила камеры, спрятанные за вазами в коридоре, еще раз проверив, что там не появилось ничего нового. Затем я нажала кнопку, отключающую камеры над дверью, давая себе лишние пять секунд, чтобы зайти в квартиру.

Я понимала, что поступаю нехорошо, и если мое начальство когда-нибудь узнает, как часто я это делаю, меня уволят в ту же секунду, но я странным образом привязалась к этой квартире. После всех тех километров, которые я прошла по ней, делая уборку для ее невидимых жильцов, я иногда ощущала ее своей. И должна признаться, когда я заканчивала работу поздно или не хотела идти домой в свою клетушку, носящую гордое звание квартиры, я всегда приходила именно сюда.

Из всех квартир дома эта была самой лучшей. Панорамные окна от пола до потолка вдоль всей задней стены открывали потрясающий вид на центр города и на Гудзон.

Там было пять гостевых комнат, три ванных и основная спальня, вид которой меня всякий раз просто изумлял. Полы в этой квартире покрывал прохладный

белый мрамор, а мебель подобрали черной, бежевой, либо комбинацией этих цветов. Интерьер выглядел так, будто каждый предмет выбирали индивидуально из подборки самых отчаянных дизайнерских фантазий.

Я прошла в кухню – тоже произведение искусства – и зажгла свет, привычно перевернув всю коллекцию банок из-под кока-колы. Потом я открыла один из шкафчиков под раковиной и вытащила голубой пакет со своими вещами, который прятала между средствами для уборки.

– Добро пожаловать, – вдруг ожила голосовая система, и ее звук раздался по всей квартире. – У вас есть новые сообщения. Пожалуйста, назовите пароль.

– Нет, – ответила я.

– Пожалуйста, назовите пароль.

– Нет.

– Хорошо, – раздался гудок. – В другой раз.

Достав из богатой коллекции вин, стоящей в баре-холодильнике, бутылку, я пила глоток за глотком, пытаюсь заглушить ноющую боль в груди. Прикончив бутылку, я прошла в главную спальню, разделась и зашла во встроенный в стену душ.

Когда по моему телу заструилась теплая вода, я зажмурилась и наконец позволила себе заплакать. Я слышала, как в соседней комнате звонит мой телефон, и знала, что это Бен, который хочет сказать мне еще что-то обидное, и даже не пошевелилась, чтобы ответить.

Повернув регулятор температуры, я стояла в душе, пока моя кожа не покраснела и не стала такой горячей, что я уже не чувствовала кончиков своих пальцев.

Когда мне стало совсем невыносимо, я выключила воду, пошарила за висящей рядом полкой с бутылочками шампуня, и вытащила свой клубничный лосьон. Намазав им все тело, я надела пижаму и убрала за собой.

Я спрятала лосьон и гель для душа обратно в их потайные места, засунула пустую бутылку на дно мусорного ведра, убедилась, что камеры в кухне пишут все на замкнутое кольцо пленки, как я установила их в свой последний визит.

Убедившись, что все в порядке, я отправилась в свою любимую в этой квартире комнату – маленькую библиотеку.

У жильцов было по меньшей мере сотен пять книг, и они обновляли библиотеку каждые несколько месяцев, покупая бестселлеры и новые издания классики. Проводя пальцами по корешкам книг, я заметила что-то странное на столе в другом конце комнаты. Что-то, чего я не видела, когда убиралась там накануне.

Обычно, как и все остальные поверхности в доме, стол был совершенно пуст. Но сейчас там лежало по несколько экземпляров New Yorker, New York Times, Wall Street Journal, причем не последние выпуски. Страницы пожелтели и разлохматились от времени, а некоторые заголовки кто-то обвел красным или подчеркнул синим. Под газетами даже лежал небольшой блокнот с записями, сделанными аккуратным почерком: Как это никто не сложил все вместе много лет назад? Это же не ошибка... Не может быть столько ошибок...

Судя по датам газет – 1993, 1987 и 1975 годы – я решила, что мое первое предположение о том, кто тут живет, оказалось совершенно правильным. Пожилая чета, любящая литературу, или почтенный историк.

Сложив газеты так, как они лежали, я отошла к окну библиотеки.

Открыв шторы, я смотрела, как на город падает мягкая пелена дождя, скрывая его из виду. Я подвинула диван поближе к полкам и плюхнулась на подушки, накрывшись пледом.

Чтобы с утра уйти незамеченной, я поставила будильник телефона на шесть тридцать. А потом открыла новый журнал с кроссвордами, лежавший на кофейном столике.

Перевернув обложку, я прочла тему подборки кроссвордов:

Нарушения: Даже самых умных преступников удастся поймать.

Интересно...

Я разгадывала кроссворд за кроссвордом до тех пор, пока могла сосредоточиваться. Когда я наконец откинулась на подушку и начала погружаться в сон, я успела заметить время на часах, висевших под потолком.

Десять минут после полуночи.

Ну, с днем рождения меня...

Гейт А4

Джиллиан

Нью-Йорк (JFK)

Моя квартира в Бруклине была одной из четырех, расположенных в старом кирпичном доме на углу двух больших улиц. Обшарпанная входная дверь, страдающая от хозяйского недосмотра, ведущие вверх скрипучие неровные ступеньки, дешевые тонкие окна, пропускающие в квартиру холодный зимний ветер. Но, несмотря на все недостатки, в квартире было одно неоспоримое достоинство – большое окно в спальне и выход из него на пожарную лестницу позади дома.

Осторожно ступая по стертым каменным ступеням, я несколько раз дернула дверную ручку и изо всех сил налегла на дверь, чтобы войти. Потом я взбежала по четырем пролетам, вздымая на каждом шагу тучи пыли.

Едва войдя в квартиру, я замерла, увидев кучу связок белых и голубых воздушных шаров и плакат «С днем рождения, Джиллиан», который они поднимали к самому потолку.

Улыбаясь, я подошла к большой серебряной подарочной коробке, стоящей на кухонном столе, и подняла крышку. На карточке было написано от руки:

Дорогая Джиллиан,

Сначала погляди на подарки в коробке. Потом прочти карточку, привязанную к шарам над раковиной.

С днем рождения!

Люблю!

Твой любимый (и лучший в мире) сосед, Мер

Я положила карточку и посмотрела, что в коробке – короткое красное платье на одно плечо от Дианы фон Фюрстенберг, которое, как мне показалось, едва ли прикрыло мне зад. Под ним лежали блестящие серебряные туфельки от Джимми Чу. На дне стояли четыре бутылки вина, а между ними лежал сверкающий браслет с подвесками в виде самолетика и нью-йоркского такси.

Я подошла к раковине и взяла другую карточку, но прежде чем я успела прочесть первое слово, сквозь стены до меня донесся страшный стук.

Бам! Бам! БАМ!

– Боже! Боже! – закричала Мередит. – О бож-же! Да! Да! ДА-А-А-А-А!

Бам! Бам! БАМ!

– О да-а-а, детка, – заурчал низкий голос. – О да-а-а-а...

Звуки шлепающих друг о друга мокрых тел и соединяющихся влажных губ заполнили комнату. Стена, отделяющая ее спальню от моей кухни, ритмично тряслась, а шаткие полы скрипели от каждого движения кровати.

Я положила карточку. Эти стоны и стуки просто оглушали. Присев возле стола, я заварила чашку кофе и открыла свой почтовый ящик.

От Бена: Тема: Открой это письмо! Ты теряешь больше...

От Бена: Тема: Я знаю, ты читаешь это, Джиллиан. Мы вместе.

От Гарри Поттера: Тема: Бесплатный билет в Орландо!

От Шерлока Холмса: Тема: Важно! Открой меня!

От Б. Кеннеди: Тема: Проверка... Откройте!

От Нэнси Дрю: Тема: Сюрприз! Неопубликованный рассказ!

Застонав, я отправила письма Бена в спам и удалила все остальные.

Многочисленные коллекторы, которым я задолжала, были очень креативны в своих попытках поймать меня, и я знала, что бумажные версии их писем наверняка ждут меня в почтовом ящике.

Прежде чем закрыть почту, я успела заметить, что в ящик упало еще два письма. В теме были слова Прекрасные элитные новости! и Изменения и Новые маршруты! – так что я стерла и их тоже. Я уже перестала надеяться увидеть долгожданное письмо: «Важно: Изменение вашего рабочего статуса».

Я налила вторую чашку кофе, и тут сквозь стену донеслось последнее, громкое и счастливое «О-о-о-о-о бо-о-о-о-же-е-е». Еще несколько ударов, еще пара шлепков кожи по голой коже. И наконец новый звук – шорох одежды, туфли, пряжка ремня, звон ключей – подтверждение того, что сеанс завершился.

Спустя мгновение Мередит со своим сегодняшним фаворитом вышла из своей комнаты.

Черноволосый и кареглазый, он подмигнул мне, а я старалась не пялиться на татуировки, покрывающие его руки сверху донизу.

– Увидимся, – прошептала Мередит, открывая ему дверь.

– Надеюсь, – прошептал он в ответ, в последний раз хлопнул ее по заднице и побежал вниз по лестнице.

– Ну, это были полноценные четыре звезды! – Она вошла в кухню и включила плиту. – Ты что-то рано. Я думала, ты проведешь весь день рождения с Беном.

– Я тоже так думала. – В горле начал подниматься комок, но я затолкала его обратно. – Пока он не решил сообщить, что изменял мне все это время.

– Ты шутишь.

– Хорошо бы. Он сказал, что просто «использует» других девушек для секса. По его словам, он «практически любит меня».

– Фу, – округлила глаза Мередит. – Ну, ты знаешь, я-то предвзята, потому что всегда терпеть его не могла, но в случае, если ты решишь вернуться к нему, знай – я все равно всегда предоставлю тебе жилетку, чтобы выплакаться. Но конечно, я при этом скажу тебе все, что думаю.

Я в первый раз за день рассмеялась.

– Нет, я не вернусь, и я больше не собираюсь плакать. Я собираюсь порадовать себя походом на какую-нибудь выставку и попытаюсь познакомиться с кем-нибудь новым. Кем-нибудь умным, смешным и веселым. Кем-нибудь...

– С кем можно потрахаться, – перебила она. – Ты сама не видишь тут никакой ошибки? Не наблюдаешь той же самой схемы?

– Схемы, что я хочу познакомиться с хорошим парнем?

– Да. Все твои бывшие были из одной и той же коробки. Скучища. Любители выставок, посетители кофе-шопов, мальчики с Уолл-стрит. Настоящие американцы, типичные «мы-не-спим-раньше-десятой-встречи», и они должны заслужить твое уважение. – Она вытащила из шкафа пакет смеси для оладий. – Тебе надо сменить схему и, может, попробовать заняться сексом без обязательств. Просто чтобы посмотреть, как это бывает, понять, что тебе нравится, а что нет, и после этого можешь снова заняться поисками вечной

любви.

– Другими словами, я должна вести себя, как ты.

– Нет, как я, ты не сможешь, как бы ни старалась. Я не думаю, что ты сможешь вынести даже хотя бы просто одноразовый секс, не говоря уж о сексе без обязательств.

– Конечно, я могу вынести одноразовый секс, – ответила я, поворачиваясь к ней на стуле. – Мне просто никогда не хотелось только один раз.

– Ха-ха!

Она неожиданно разразилась громким смехом, схватившись руками за живот и сгибаясь пополам. Она не могла остановиться несколько минут, и когда ей, наконец, удалось совладать с приступом, на ее глазах блеснули слезы.

– Джиллиан, – сказала она, переведя дух. – Не пойми меня неверно, но одноразовый секс – это значит, что ты спишь с кем-то один раз и больше ничего не ожидаешь. Я думаю, что это не для тебя, ты уж извини, без обид.

– Никаких обид. Но поскольку я теперь одна и больше не вернусь к Бену, думаю, что могу доказать, что ты ошибаешься.

– О, – подняла она бровь, – правда, что ли?

– Правда.

– Ну ладно. – Она подошла к холодильнику и, сняв с него бежевую карточку, прижатую магнитом, протянула мне. – Как насчет сегодня вечером?

– В мой день рождения?

– Ага. – Она пожала плечами. – В твой чертов день рождения. В самом худшем случае ты все равно мне поможешь, даже если не захочешь идти до конца. Эта вечеринка пересекается у меня с костюмной репетицией, на которую я должна прийти, а мне надо туда кое-что передать.

Я повертела приглашение в руках и поняла, что на нем нигде нет слова «вечеринка». Только адрес.

– Это тайная вечеринка, – пояснила Мередит, словно прочитав мои мысли. – Туда придет куча очень важных людей, так что чем меньше слов на бумаге, тем лучше. Мне только надо, чтобы ты нашла там хозяина, его зовут Марк Штросс, и отдала ему это. – Она отцепила USB, висевшую у нее на шее, и положила на стол. – Скажи ему, что это от меня, он знает, что с этим делать. И раз уж ты окажешься там, в этой компании нескольких приличных, страшно сексуальных холостяков, то постарайся найти кого-нибудь, чтобы уйти с ним. Скажи: «Привет, я Джиллиан», соври что-нибудь про свою работу, потом соври что-то про все остальное, потому что это не имеет значения, и получи отличный секс.

– Это так пошло...

– Это потрясающе пошло, – улыбнулась она. – У меня сегодня встреча с пятизвездочником за два часа до репетиции, но если ты быстро кого-то подцепишь, пройдите с ним в Waldorf Astoria, и мы сможем вместе поехать домой.

– Мередит, – опустила я приглашение. – Мне казалось, мы договорились, что ты больше не будешь ранжировать всех, с кем спишь.

– Я никогда на такое не соглашалась, и я их не «ранжирую». Я их каталогизирую, чтобы точно знать, кому позвонить, когда я в настроении для повторения определенного опыта.

Я в недоумении уставилась на нее.

– Ну, смотри, – сказала она. – Например, мне хочется секса на три с половиной. Чего-то неплохого, но не настолько, чтобы полночи не спать.

– Знаешь что? Забудь, что я говорила.

– А иногда хочется четырехзвездочного члена. Чего-то такого, что будет правильно нажимать на все кнопки, и я кончу без всякого похмелья, а потом еще как минимум полдня буду это с удовольствием вспоминать.

– Пожалуйста, прекрати, – я кинула в нее коктейльной соломинкой.

– Ну и, конечно, иногда мне просто необходим несомненный, незабываемый пятизвездочный член, который сотрясет мои основы, захватит дух и заставит забыть, как меня звали – и все это вместе. – При этом описании она закусила губу. – Ну, в моем списке есть еще шести- и семизвездочные, но им нельзя звонить слишком часто. Иначе я подсяду, а я не могу себе этого позволить. Это не по мне.

– Тебе когда-нибудь говорили, что ты сексуально озабоченная?

– Нет, но я бы сочла это комплиментом. Я не понимаю, как можно быть брошенной и несчастной. Знаешь, каждому в жизни нужно что-то, что заставляет чувствовать себя живым.

– Ну да... – кинула я в нее еще одну соломинку.

Я прекрасно понимала ее логику в том, что касалось секса. Но даже при том, что наша квартира иногда заставляла нас чувствовать себя бедными и я была «брошенной и несчастной», сама Мередит Алексис Тэчвуд от этого далека.

Великолепная красотка с темно-карими глазами и копной каштановых кудрей, Мередит была наследницей древнего рода Тэчвудов – нью-йоркских магнатов, которым принадлежала заметная часть самой дорогой недвижимости в стране. Ее отец, Леонард Алекс Тэчвуд, постоянно упоминался в прессе как один из самых ярких филантропов города, но для Мередит он оставался просто богатой версией бьющего отца. И она не хотела иметь дела ни с ним, ни с его деньгами.

– И последнее, – подвинула она ко мне коробку с подарками. – Надень все это, и тебя сразу заметят. Вечеринка начинается в восемь, но я бы на твоём месте раньше десяти не приходила. Никто не приходит вовремя в такие места, и ты будешь выглядеть странно. И надо сказать, я всерьёз хочу выиграть этот спор. Сто долларов, что ты встретишь меня вечером в «Астории» и скажешь, как ты перепугалась.

– Ну, поскольку я не наследница и у меня нет столько денег, то я поставлю двадцатку и завтрак в постель на то, что пришлю тебе сообщение с рейтингом

своего секса.

– За день я успею составить меню, – рассмеялась она, опершись о стол. – Ладно, если серьезно, пошли, подготовим тебя к твоему первому потенциальному разовому сексу.

* * *

Тем же вечером я стояла возле заброшенного темного здания на Седьмой авеню, дрожа от ветра, который бил по моим голым ногам. Я сомневалась, не перепутала ли случайно адрес: вокруг ни души, все окна заколочены дощатыми щитами, а на двери табличка «СДАЕТСЯ».

Я вытащила из сумочки телефон, собираясь позвонить Мередит, но она уже прислала мне сообщение.

Мередит: Не смотри на вход в здание, когда приедешь. Иди по проходу вглубь. Синяя дверь. Постучи шесть раз. Марк Штросс будет в сером. Я утром буду тост по-французски, яйца «бенедикт» и свежавыжатый апельсиновый сок, потому что ты вернешься одна. Спасибо заранее.

Рассмеявшись, я пошла по аллее, слегка покачиваясь, потому что еще не привыкла к высоте каблуков. Подойдя к синей двери, я постучала шесть раз, как велела Мередит, и человек в бежевом костюме открыл мне дверь.

– Лифт дальше по коридору, – сказал он. – Поднимайтесь на крышу. Хозяева предупреждают, что делать фотографии и записывать видео нельзя. Если вас за этим застанут, то выдворят. Ясно?

– Ясно.

Обойдя типа в бежевом костюме, я вошла в лифт и поднялась на крышу. Когда лифт остановился, я обнаружила, что нахожусь среди океана дорогих серых и черных пиджаков и ярких дизайнерских платьев.

Мигающие лампочки заливали крышу ярким светом, белые кожаные диваны стояли вокруг стеклянных кофейных столиков с разложенными на них кубинскими сигарами, официантки в черных глубоко декольтированных платьях сновали между гостями, разнося напитки.

Откуда-то возникла хостесс, которая вручила мне бокал темно-красного вина.

Я быстро отхлебнула и закашлялась, потому что вино обожгло мне горло.

Помня, что должна делать, я пошла по крыше в поисках Марка Штрасса. Мне не понадобилось много времени. Одетый в серое, в черной шляпе, он стоял в одиночестве, опираясь на перила, и любовался захватывающим видом города.

– Простите, – откашлялась я, подходя к нему. – Вы мистер Штрасс?

– Это зависит, – повернулся он ко мне, – от вашего предложения.

Я вынула из сумочки USB и протянула ему.

– Это от Мередит Тэчвуд.

– А, девочка Тэчвуд, – улыбнулся он. – Выходит, слухи об антинаследнице верны. Передайте ей, что я сожалею, что мы не увидимся этим вечером. Тем временем, – оглядел он меня сверху донизу, – вы можете называть меня Марк. Как ваше имя?

– Джиллиан.

– Рад познакомиться, Джиллиан. – Отхлебнув, он остановил взгляд на моем декольте. – Признаюсь честно. Если бы моя жена не была тут, следя за каждым моим движением, я бы сказал вам, что вы, безо всяких оговорок, самая сексуальная женщина из всех, что я видел. После чего позвал бы вас к себе, чтобы мы трахались там до самого рассвета. – Обернувшись, он помахал кому-то вдалеке. – Но поскольку это невозможно, окажите любезность, помашите моей жене, чтобы она не подошла и не лишила меня этих нескольких мгновений свободы.

Смущенная, я обернулась и помахала в том же направлении, что и он, и встретила взглядом с очень красивой женщиной в светлом платье. Она приподняла свой бокал в нашу сторону и продолжила разговор с окружающими ее дамами, а мистер Штросс снова повернулся к виду на город.

– Как вы думаете, какой это самолет? – спросил он, указывая на черно-белое воздушное судно, пролетающее над Гудзоном.

– Ну, я бы предположила, что это Boeing 737.

– Что? – уставился он на меня.

– Boeing 737, – повторила я. – А вы как думаете?

– Никак не думаю, – рассмеялся он. – Я не ожидал такого ответа, думал, вы скажете, там, грузовой или турбо, но вау! Это впечатляет.

– Что ты смеешься, милый? – возле нас внезапно возникла его жена. – Познакомь меня с твоей приятельницей!

Он закатил глаза и быстро представил нас друг другу. Затем обнял ее за талию и в последний раз оглядел меня перед уходом.

– Очень впечатляет, Джиллиан, – повторил он, подмигнув. – Самолет-то.

Его жена нахмурилась, он улыбнулся и увел ее. Я подождала, чтобы они исчезли из виду, и повернулась к городу, надеясь, что мне не придется больше столкнуться ни с кем из них.

– С самолетом получилось очень впечатляюще, – ко мне подошел другой человек, с более низким и командным голосом. – А было бы еще более впечатляюще, если бы вы назвали его верно.

– Простите? – я повернулась налево. – Что вы сказали?

– Я сказал, – повернулся он ко мне, – что это ваше выступление с самолетом было бы более впечатляющим, если бы вы назвали его верно. Вы так не думаете?

Я вообще не могла думать. Даже пытаться не стала бы.

Этот человек был совершенным воплощением идеала, буквально олицетворением живого, дышащего секса. Его темно-голубые глаза, блестящие в неярком свете, смотрели прямо в мои, полные четкие губы изгибались в дразнящей ухмылке. Слегка взлохмаченные русые волосы выглядели так, словно в них кто-то только что запускал пальцы.

Черный костюм-тройка облегал его тело во всех нужных местах, а часы на руке – серебряный Audemars Piguet – давали понять, что этот человек может потратить мою годовую зарплату на такой нехитрый аксессуар.

– Ваше молчание означает, что вы признали мою правоту? – сверкнул он жемчужным набором зубов, и я тряхнула головой, пытаюсь сбросить оцепенение.

– Оно означает, что вы представления не имеете, о чем говорите. – Я снова поглядела на самолет. Он летел дальше, но был еще хорошо различим. – Это Boeing 737, а подслушивать довольно некрасиво.

– Некрасиво распространять ложную информацию, – снова улыбнулся он и подошел ближе, глядя на небо. – Это Airbus 320, а не Boeing 737. – И показал пальцем в сторону самолета. – Различие в контуре носа и окнах рубки. У Airbus он округлый, а у Boeing острый. А окна у 737-го диагональные, а у Airbus...

– Квадратные, – сказала я, тут же поняв, что он прав. – Ну что ж, поздравляю. Вы победили в знании ненужных фактов про самолеты. Надеюсь, вы не ожидаете никаких призов.

– А неплохо бы.

– Как насчет удовлетворения осознанием факта, что вы нагло подслушиваете?

– Либо, – перебил он, – удовлетворения осознанием того, что вам наплевать, что я подслушал. Что вы рады тому, что я это сделал, и не хотите, чтобы я уходил.

Молчание.

Его улыбка стала шире, а одурманивающий запах одеколона вынудил меня подойти еще на шаг к нему. Он несколько секунд смотрел мне прямо в глаза, словно приглашая приблизиться, но вместо этого сказал:

– Джейк. – И протянул мне руку, на рукаве которой сверкала запонка с серебряной буквой «Дж».

– Джиллиан, – ощущение его руки вызвало во всем моем теле горячую волну, и я отпрянула, совершенно смутившись от того, как простое рукопожатие может так потрясти все мои нервы. От того, как могла возбудиться от одной только улыбки и прикосновения руки незнакомца.

Нас прервали: перед нами внезапно появилась официантка. Протянув нам новые бокалы с шампанским, она спросила, нравится ли мне вечер и не нужно ли мне что-нибудь еще, после чего пустилась в рассказ о том, какие закуски подадут на ужин. Я чувствовала, как Джейк меряет меня глазами сверху донизу, и это заводило меня без всяких усилий с моей стороны.

Как только официантка ушла, он спросил:

– Джиллиан, чем вы зарабатываете на жизнь?

– Я... – я вспомнила, что Мередит говорила про вранье. – Я пилот, капитан.

– Вы кажетесь слишком молодой для капитана, – приподнял он бровь.

– Число моих полетов говорит о другом.

– Вот как?

– Да. – Я едва устояла на месте, когда он взял у меня бокал и поставил на перила.

– Вы летаете в частной или коммерческой компании?

– В частной.

Мне надо было спросить, чем занимается он сам, чтобы сменить тему и избавиться от вранья, но он облокотился на перила и встал ко мне совсем близко, что лишило меня способности соображать.

– И как давно вы летаете? – спросил он.

– Сколько себя помню.

– Хм-м-м, – он провел пальцем по моей верхней губе, выглядя все более заинтересованным. Казалось, он ждет, что я отпряну или скажу ему перестать, но я не сделала этого, и он снова улыбнулся. – В какой же авиакомпании вы работаете, Джиллиан?

– Это одна небольшая компания... – то, как он произнес мое имя, подействовало на меня сильнее, чем выражение его глаз. – Вы ее не знаете, можете мне поверить.

– А вдруг знаю, – понизил он голос, и его губы практически касались моих. – Проверим?

– Ну... это небольшая частная компания.

– Да, – сказал он, еще понизив голос. – Мы уже выяснили, что она частная, Джиллиан. Но я спросил не об этом. Как она называется?

Черт...

– Я не могу этого сказать. Это слишком личное. – Он провел рукой по моей спине, и я запнулась, когда его пальцы прошли по застёжке лифчика. – А чем занимаетесь вы?

– Я писатель, автор бестселлеров.

– Да? – мой мозг переполнился вопросами. – Правда?

– Нет, – его губы безо всякого предупреждения атаковали мои, язык проник ко мне в рот, и я потеряла ощущение времени. Он прикусил мне нижнюю губу, и я

почувствовала, что возбудилась еще сильнее. Его руки стиснули мои бедра, пальцы прижались к коже, и у меня вырвался тихий стон. – Никакой я не чертов писатель, – прошептал он мне прямо в губы, и по его лицу, чуть отстранившемуся от моего, скользнула понимающая усмешка. – Но раз ты притворяешься пилотом, я тоже могу притворяться, кем захочу, так ведь?

– Да. – У меня горели щеки. – Думаю, да.

– Ты пришла одна? – спросил он.

– Наверное, об этом стоило спросить до того, как начать целоваться?

– Ну, если бы твои губы не были настолько сексуальны, я бы спросил, – ответил он. – Так ты пришла одна?

Я не ответила. Просто не смогла.

Он запустил пальцы в мои волосы, а его губы снова приблизились к моим. Мои трусики промокли насквозь и прилипли к бедрам.

– Джиллиан? – его улыбка превратилась в нахальную ухмылку. – Ты пришла одна?

– И да и нет.

– Так не бывает.

– Одна, – прошептала я, с трудом слыша собственный голос.

– Хм-м-м. – Его пальцы скользили по моей шее, оставляя за собой огненный след. – А уйти ты тоже собиралась одна?

– А что, если так?

– Тогда, я считаю, тебе надо подумать еще раз.

С этими словами он обхватил мою талию, привлек к себе и поцеловал так крепко, что я забыла о том, что вокруг люди. Его поцелуй завладел моим дыханием, всеми моими чувствами. Это был один из тех незабываемых поцелуев, которые навсегда впечатываются в твои грядущие воспоминания.

Все веселье вокруг нас словно растворилось – остались лишь легкие звуки рояля и светских разговоров, звучащие где-то вдалеке, а я слышала только наше дыхание.

Его руки обхватили меня еще крепче, и я предоставила ему полный контроль над своими губами, позволяя продемонстрировать, как может быть хороша ночь, проведенная с ним.

Внезапно послышались громкие аплодисменты – они вернули нас к реальности, и мы нехотя разомкнули объятия. Внимание всей толпы было приковано к человеку, стоящему на небольшой сцене и что-то говорившему, но мы могли смотреть только друг на друга.

– Что для этого нужно? – он явно казался расстроенным тем, что нас прервали.

– Что нужно для чего?

– Чтобы ты ушла со мной.

– Хм...

Бабочки порхали у меня в животе, а сердце билось в совершенно незнакомом ритме. Я никогда не испытывала мгновенного влечения к любому мужчине, которого встречала в своей жизни, никогда не чувствовала, что мне вообще не нужно говорить, но этот человек был более чем достоин исключения из всех правил.

– Это «хм» означает «да»? – спросил он.

– Нет. Это... Знаешь, я обычно не занимаюсь одноразовым сексом.

– Тогда не будем называть это так.

– Это будет ночь просто секса?

– Ночь траханья, – ответил он низким голосом. – Ночь, когда я поимею тебя на каждой поверхности моего номера в гостинице. Ну, если мы доберемся до конца той аллеи.

Я сглотнула, понимая – что бы он ни говорил, я уйду с ним.

– Я пойду с тобой, – сказала я. – Только ответь на мои вопросы, чтобы я чувствовала себя в безопасности.

– Ладно, Джиллиан. – Он выглядел довольным. – Спрашивай.

– Ты можешь гарантировать, что ты не псих-убийца?

– Я могу гарантировать, что не убийца.

– А как насчет части про психа?

– Без комментариев.

Я рассмеялась, но что-то подсказало мне, что это не совсем шутка.

– Ты из Нью-Йорка?

– И да и нет.

– Кое-кто по имени Джейк как-то сказал мне, что так не бывает.

Он коротко рассмеялся.

– Моя семья из Нью-Йорка. А я родился в Миссури, но теперь, к несчастью, снова вернулся сюда.

– Не хочешь объяснить, почему к несчастью?

– Не особо.

– Какой твой любимый тип женщин?

– Что? – он непонимающе поднял брови.

– Ну, знаешь, блондинки, брюнетки, рыжие. В этом смысле.

– У меня в жизни не было типа.

– Почему?

– Потому что я не могу сказать, как выглядит женщина снизу, глядя на цвет волос на ее голове. – Он снова провел рукой по моим волосам, как бы в подтверждение своих слов. – Честно, Джиллиан, у меня нет никаких типов. Это все твои вопросы?

– Нет. Еще три.

– Я отвечу еще на два.

– Ладно, – согласилась я, потому что все мое тело умоляло закончить разговоры. – Как часто ты уводишь вот так женщин с вечеринок?

– Не очень часто.

– Но часто?

– Нет. – Он казался искренним. – Совсем не часто.

– Ладно. – Вообще-то у меня не было больше вопросов. – Мы можем идти.

– Ты не хочешь задать последний вопрос?

– Нет. «Но часто?» был последним. Я умею считать.

– Очевидно. – Он улыбнулся шире, чем раньше, положил руку мне на спину и вывел меня с вечеринки сквозь всю толпу.

Мы зашли в лифт, пропустив выходящую оттуда пару, и в ту же секунду, как за нами закрылись двери, губы Джейка накрыли мои губы, а спиной он прижал меня к стене. Не желая, чтобы это закончилось, я завела ногу ему за спину и тут же охнула от ощущения его члена сквозь брюки, огромного и твердого.

Я запустила руки ему в волосы, а он свои – под мое платье, под кружево моих промокших трусиков.

Пальцы быстро сдвинули набок полоску ткани, и он прошептал: «Такая мокрая». Лифт отсчитывал этаж за этажом. Засунув два пальца мне внутрь, он выдохнул в мою шею: «К тебе или ко мне?»

– Ко мне, – прохныкала я, потому что он убрал руку.

– Не думаю, – ответил он, когда двери открылись. Обхватив меня за талию, он вывел меня из лифта. – Я не могу столько ждать. Я живу ближе.

– Сомневаюсь. Это я живу ближе, – сказала я, открывая сумочку, чтобы убедиться, что карточка от 80А в ней. – До меня отсюда можно дойти пешком.

– Даже если так, я предпочитаю ехать, – он вытащил из кармана ключи и нажал кнопку. У черного «БМВ» на другой стороне улицы вспыхнули фары. – Сколько кварталов до твоего дома?

– Четыре, – улыбнулась я. – Ближе, чем до твоего, а?

Он не ответил, просто подвел меня к машине и открыл дверцу. Затем скользнул за руль и завел мотор, отчего приборная доска осветилась вспышками белоголубых огоньков.

– Направо или налево? – он выехал на улицу и дал по газам.

– Направо.

Джейк остановился на светофоре и поглядел на меня, отчего я еще больше возбудилась. Он не произнес ни слова, просто сидел и трахал меня своими глазами, пока не загорелся зеленый свет.

Проехав два квартала, мы снова встали на светофоре.

– Я так понимаю, ты живешь на Парк-авеню? – спросил он.

– Да.

– Какой номер?

– Это «Мэдисон». – Я указала на здание, к которому мы приближались, и возблагодарила небеса за то, что управляющие устроили сегодня вечеринку для жильцов. Швейцар был занят машинами, так что мне не придется отвечать на его вопросы, входя в парадную дверь. – Запаркуйся где-нибудь тут на улице. Парковка только для жильцов, и моя уже занята.

Он хмыкнул, проехал светофор и, сделав крутой разворот, запарковался сбоку от здания. Выключил мотор и открыл дверь.

– Может, стоит поставить ее еще где-то? – предупредила я, когда он помогал мне выйти из машины. – Швейцар резко против, когда тут паркуются те, кто не живет в доме. Твою машину могут увезти.

– Я готов рискнуть, – поглядел он на меня. – Ты давно тут живешь?

– Не очень, всего несколько месяцев. – Я пошла в сторону бокового входа. – Я предпочитаю этот вход.

Он пошел за мной. Я прижала к двери свою рабочую карточку, и он придержал дверь.

Свет в кабинете начальника не горел, и никого из ночной смены тоже было не видно. Только смех и шум болтовни доносились из бального зала с другой стороны здания.

Как только я нажала кнопку, двери открылись, и мы вместе зашли в лифт.

– Подождите! – раздался чей-то голос. – Пожалуйста, поддержите лифт!

Джейк придержал двери, и через пару секунд в лифт зашла пожилая женщина.

– Огромное спасибо, – сказала она.

– Вам какой? – спросил Джейк.

– Двадцать шесть. Спасибо.

Он нажал «26», а потом, как настоящий джентльмен, нажал «50», чтобы не казалось, что мы едем вместе. – А вам? – спросил он, глядя на меня. – Вам который?

– Восемьдесят.

– Восемь? – он посмотрел на меня. – Вы так сказали?

– Нет, восемьдесят. – Я вытащила из сумочки дополнительный ключ и прижала к панели. – Этот этаж нельзя нажать просто так. Нужна эта карточка.

– О! А я-то всегда думала, кто же живет на этом этаже, – сказала женщина. – Как приятно наконец соединить лицо и квартиру. Вы бы пришли как-нибудь на наши ежемесячные встречи. Раз в год можно, знаете.

– Я постараюсь.

– У вас оттуда, наверное, прекрасный вид? – спросила она.

– Фантастический.

– Еще бы!

Лифт остановился на ее этаже, и она вышла, помахав нам на прощание. Джейк слегка дернул меня за волосы, пробормотав что-то вроде «Клубника», но я толком не расслышала.

– Сколько, говоришь, ты уже тут живешь? – спросил он.

– Всего несколько месяцев, а что?

Энергия между нами почему-то изменилась, стала совсем другой, чем всего несколько секунд назад. Выражение его лица больше не было исполнено жажды, на нем читалось что-то совсем иное.

– Мне просто пришла одна мысль.

– Потенциально убийственная мысль?

– Потенциально любопытная мысль. – Он уставился на меня, и тут двери лифта открылись.

– погоди, – сказала я, сделав ему знак не выходить пока. – Сначала мне надо кое-что тут сделать.

– И что же это?

– Сейчас, – я подошла к вазам в коридоре и быстро отключила камеры. Нажала кнопку, отключающую камеру над дверью, и заклеила стикером линзы.

– Теперь проходи, – сказала я Джейку, вынимая другую карточку-ключ. – Тут у меня столько этих штук для безопасности.

– Да, я вижу, ты высоко ценишь неприкосновенность жилища, – прошел он к двери.

Я приложила карточку к двери, но она мигнула красной лампочкой вместо зеленой.

Что за... Вчера все работало...

Я снова и снова прижимала карточку к двери, все больше раздражаясь от каждой красной вспышки.

– Что-то не так? – спросил Джейк.

– Да нет, просто ключ что-то блажит, – свет внезапно сменился на зеленый, избавив меня от дальнейшей неловкости, и мы вошли в квартиру.

Я нажала кнопку на стенной панели, и шторы, закрывающие окно в гостиной, медленно разошлись, открыв нам вид на Манхэттен.

– Очень красиво, – сказал Джейк из-за моей спины. – Это ты придумала дизайн?

– Нет, так уже было, когда я сюда въехала.

– Интересно. – Он прошел в гостиную и встал у окна. Казалось, он лучше меня вписывается в пространство этого помещения. – Очень красивая квартира.

– Спасибо.

– Ты не против показать мне всю свою квартиру?

– Сейчас?

– Да. Прямо сейчас.

– Ладно... – я подошла к нему. – Сейчас мы стоим в гостиной, дальше она переходит в кабинет и столовую... – я прошла влево по коридору. – Тут по обеим сторонам гостевые спальни, в каждой своя ванная, и... – я зашла в главную спальню и включила свет. – А это моя комната.

– Впечатляет. – Он зашел и осмотрелся по сторонам. – А почему ты выбрала бежевый и черный?

– Это мои любимые цвета.

Он улыбнулся.

– Еще интереснее. Тут тоже есть ванная?

– Да. – Я подошла к нужной двери и показала ему. – Встроенный душ, джакузи и сауна.

Я заметила, что моя бутылочка клубничного шампуня стоит на полке перед всеми остальными, подошла к ней, не переставая говорить, и сунула ее назад, за черные и белые бутылки, как положено.

– А что в другой стороне квартиры?

– Библиотека и офис, – ответила я. – А, забыла, мы пропустили кухню. Хочешь чего-нибудь выпить?

– Абсолютно.

Убедившись, что в спальне все осталось на своих местах, я провела его в кухню. Вытащила бутылку вина и пару бокалов. Он шел прямо за мной.

– Я правильно понимаю, что ты любишь аэрофотосъемку? – спросил он.

– Что?

– Фотографии на стенах. – Он указал на четыре большие белые рамы, висевшие над камином. – Тебе нравятся виды с самолета?

– А-а-а... Ну да... Типа того.

Он оперся о стол и прищурился, глядя на меня, отчего выглядел еще сексуальнее, хотя что-то тут было не так.

– Скажи, Джиллиан, а в каких городах были сняты эти фото?

– Я толком не помню...

– Но как это? – возразил он. – Они потрясающие, настолько красивые, что их нельзя забыть. Ну, по крайней мере, я так считаю.

Мое сердце забилося неровными толчками, а волосы сзади на шее приподнялись, хотя я не понимала, отчего.

– Это Бостон. Верхняя левая – Бостон, я ходила там в школу. А остальные... – я понятия об этом не имела и вообще никогда раньше не обращала на них внимания. – Верхняя правая – Нью-Йорк, нижняя левая – Лондон, а нижняя правая – Токио.

– Потрясающе.

– Ну да... – что-то подсказывало мне все бросить и бежать, бежать немедленно, но я не прислушалась к интуиции. – Ты же не против белого вина?

– Это последнее, против чего я сейчас возражаю.

Я не очень поняла, что он имеет в виду, так что вытянула ящик с приборами, ища штопор. Я перебирала ножи и вилки, думая, куда он задевался, и изо всех сил надеялась, что просто засунула его в другой ящик.

Я стала открывать ящик за ящиком, но ничего не находила, и тихая паника охватывала меня все сильнее с каждой секундой.

Черт, черт, ЧЕРТ...

– Что-то не так? – спросил Джейк.

– Да нет, – я открыла последний ящик и не нашла. – Просто...

– Просто что?

– Да ничего. – Я снова выдвинула ящик. – Никак не могу найти штопор. Точно помню, что положила его сюда, но не могу найти.

– Наверное, это потому, что я утром убрал его, – он бросил штопор на стол, я вскинула голову и встретила его пристальный взгляд.

У меня расширились глаза, я почувствовала, как бледнею, и у меня отвисает челюсть от потрясения. Несколько секунд никто из нас не произносил ни слова – только от него шла волна ярости, а я чувствовала себя полностью уничтоженной.

Это его квартира. Я привела его сюда для одноразового секса и провела «экскурсию» по его собственной чертовой квартире...

Я шагнула назад. Сердце изо всех сил стучало в груди, во рту пересохло, я не могла вымолвить ни слова. Я думала, стоит ли мне пробежать мимо него, выскочить из запасного выхода на лестницу и покончить с этим, или же нужно спокойно извиниться и просто уйти, как будто ничего не случилось.

Он стоял, глядя на меня прищуренными глазами, и я покосилась на дверь, но он сделал шаг влево и преградил мне путь, словно прочитал мои мысли.

– Джиллиан, как ты умудрилась достать ключи от моей квартиры? – его голос был просто ледяным.

– Я... Я...

– Избавь меня от чертовых многоточий, – прошипел он. – Как ты достала чертов ключ?

– Вообще-то я его не доставала.

– Ну да, он сам волшебным образом пришел к тебе вместе с адресом?

– Я пытаюсь объяснить...

– Пытайся лучше. – Он выглядел так, словно вот-вот ударит меня.

– Я работаю тут в компании по уборке, – сглотнув, выдавила я. – И поскольку я приписана к твоей квартире, у меня всегда есть этот ключ... Иногда я просто его не сдаю...

– То есть воровать мое барахло в мое отсутствие – твои служебные обязанности?

– Нет, и никогда, никогда... – я начала заикаться, – Я никогда...

– Никогда не воровала? – он обошел стол и встал возле меня.

– Да. Я ничего у тебя не украла.

– Тогда у тебя очень извращенное представление о том, что означает это слово. Ты ворующь место, за которое не платила, очень дорогое место, которое принадлежит другому человеку и вообще-то охраняется. Разве это не воровство? Брать что-то, что тебе не принадлежит?

Я стояла молча, не шевелясь, пригвожденная к месту его тяжелым взглядом.

– Я так понимаю, синий пакет, обычно спрятанный у меня под раковиной, принадлежит тебе?

Я кивнула.

– И клубничный шампунь, который ты только что засунула за стеклянные бутылки у меня в душе, тоже твой?

– Да. – У меня пылали щеки.

– Именно, – сказал он, сжав челюсти. – В общем, как ни удивительно и забавно было наконец-то встретить лицом к лицу моего нежеланного и вороватого соседа, я буду тебе крайне признателен, если ты уберешься из моей квартиры ко всем чертям и впредь будешь держаться от нее подальше во время своей работы. – Он выхватил ключ из моей сумочки. – Убирайся! Немедленно.

Я продолжала стоять, глядя, как он еще сильнее сжимает челюсти.

– Мне что, позвонить в охрану? – спросил он. – Ты не понимаешь, что значит «Убирайся из моей квартиры»?

– Я отлично понимаю, что это значит, – огрызнулась я, разозленная и расстроенная тем, как он со мной разговаривал, и тем, как быстро изменилось его поведение. – И я, конечно, уйду, Джейк, когда ты поблагодаришь меня.

– Что за фигня? – скрестил он руки на груди. – Что ты сейчас сказала?

– Я сказала, что я уйду, Джейк, – медленно прошипела я ему в ответ, – после того, как ты поблагодаришь меня.

– Ты хочешь, чтобы я благодарил тебя за то, что ты играла в моей квартире в Белоснежку?

– Нет, я...

– Ты хочешь, чтобы я благодарил тебя за то, что ты вривалась сюда без спроса? – Он подошел ближе, припирая меня в угол между кухонными столами. – За то, что пила мое лучшее вино и приводила сюда посторонних, чтобы с ними тут трахаться? Или за то, что мылась в моем душе и провоняла своим запахом все мои простыни? – его лицо налилось краской. – Уж просвети меня, пожалуйста, за какие именно вещи, по твоему мнению, я должен быть тебе благодарен.

– Я хочу, чтобы ты поблагодарил меня за то, что я каждый чертов день поливала твои цветы. Каждый. День, – выпалила я в ответ. – Я приходила даже в те дни, когда не должна была убирать твою квартиру, потому что ты накопил себе пятьдесят чертовых многолетних цветов, явно не имея представления, как за ними ухаживать. Если ты думаешь, что они умудрились выживать все это время чисто за счет твоего обаяния, ты сильно ошибаешься.

– Джиллиан. – На его шее вздулись вены.

– Я не закончила, Джейк! – я так разозлилась, что была не в состоянии остановиться. – Я хочу, чтобы ты поблагодарил меня за то, что я закрывала окна во время дождя, потому что у тебя жуткая привычка оставлять их открытыми, за то, что расставляла книги в твоей библиотеке по цветам, чтобы солнце не

попортило корешки, за то, что забирала твою почту и раскладывала по датам. Я приносила ее из ящика и раскладывала на столе, чтобы тебе было удобнее. Ты же не думал, что все это делает почтальон?

– А еще, – продолжала я, тоже скрещая руки. – Я хочу, чтобы ты поблагодарил меня – много раз – за то, что я всегда возобновляла твой запас кока-колы. Тебе не приходилось докупать ее месяцами. Месяцами. А ты к тому же покупаешь особые банки. Знаешь, как их трудно найти?

Он смотрел на меня, не говоря ни слова.

– А еще можешь сказать мне спасибо за то, что я заканчивала твои кроссворды, но если ты хочешь воздержаться от этого конкретного «спасибо», то я это переживу.

Он продолжал смотреть на меня, прищурив глаза.

– И раз уж мы заговорили про кроссворды, а у тебя явные затруднения в этом плане, – добавила я. – Слово из семи букв. Обычно используется для выражения благодарности.

Он опустил руки, выражение его лица постепенно смягчалось, а на губах появилась тень улыбки.

– При всем уважении, Джейк, – я снова покосилась на дверь. – Ты должен сказать мне «спасибо». Иначе я буду стоять тут, пока его не услышу.

Он тихо рассмеялся, взял штопор и неспешно откупорил бутылку. Налил бокал и протянул мне. Наливая вина себе, он не сводил с меня глаз, продолжая улыбаться.

Я осушила бокал одним нервным глотком, и он снова наполнил его. А потом снова.

– Просто, чтобы ты знал, – сказала я, чувствуя себя бодрее после третьего бокала, – несколько бокалов вина не равны благодарности.

– Поверь, – он пригубил свой бокал, – мы перейдем к этому. – Забрав у меня бокал, он поставил его в раковину. Затем схватил меня за руку и потащил за собой.

– Для ясности, – сказал он, указывая на белые рамки на стене. – Это Дубай, Филиппины, Москва и, как ни странно, нижний правый действительно Токио.

Он скорчил гримасу и протащил меня через всю гостиную в библиотеку. Там, отпустив мою руку, он поглядел на книжные шкафы, а потом снова на меня.

– Спасибо за вдумчивость, с которой ты меня обворовывала, – он взял с кресла журнал с кроссвордами и кинул в мусор. – И за то, что решала мои кроссворды, хотя я тебя не просил. Прямо не могу поверить, что столько времени выживал без твоей помощи.

– Благодарность обычно выражают без такой злости.

– Ее обычно выражают и без секса, – он прижал меня спиной к шкафу и накрыл мой рот своим, отчего я забыла все, что собиралась сказать.

Его язык скользнул между моих губ, захватывая полный контроль над происходящим, и все вокруг меня внезапно утратило ясность. Глядя мне в глаза, он прикусил мою нижнюю губу.

– Ты чертов воришка и лжец, Джиллиан, – прошептал он мне в губы, просовывая руку мне между ног и стаскивая с меня трусики. – Чертов воришка и лжец.

Я попыталась ответить, но не смогла. Он снова прижал меня к шкафу, отчего книги на верхних полках закачались и упали на пол, и снова повторил свои слова.

– Ты приводила кого-то в мою чертову квартиру? – он стянул с меня верх платья и расстегнул застежку лифчика.

– Нет. – Я смотрела, как он стаскивает платье через голову и швыряет на пол.

– Почему я тебе не верю?

– Это правда. Я никого больше сюда не приводила, – простонала я, пока он целовал меня снова, на этот раз еще крепче, и не отпускал до тех пор, пока я почти не задохнулась.

Он отступил на шаг, оглядел меня снизу доверху и расстегнул брюки.

– Повернись и возьми за шкаф.

Я не шевельнулась. Меня буквально заворожило то, как он расстегнул штаны и обнажил свой член. Еле сдержав вскрик при виде его размеров, я смотрела, как Джейк вынимает из кармана презерватив и надевает его.

– Джиллиан, – взгляд его встретился с моим, он подошел ближе и развернул меня кругом. – Возьмись за шкаф, – прошептал он мне в ухо. – Сейчас же.

Я вцепилась в стенку шкафа, а Джейк прижался губами к моей спине, взял меня за бедра и раздвинул мои ноги пошире. Хлопнув меня по заднице, он прижался членом к расщелине и безо всякого предупреждения вошел в меня на всю глубину, отчего я вскрикнула.

Я еще крепче ухватилась за шкаф, крича от того, что наслаждение хлынуло по моим венам. Я пыталась пошевелиться, как-то приспособиться к его размерам, но он сжал мои бедра и начал двигаться у меня внутри.

Меня никогда так не трахали, и я никогда бы даже не подумала, как это может быть здо?рово.

– О... О боже... – застонала я, закрыв глаза, когда он провел рукой по моему животу к груди и резко ущипнул за соски.

– Ты такая тугая, – выдохнул он мне в спину. – Такая чертовски тугая... – Его член скользил во мне, нажимая точки, про которые я даже не подозревала, и когда я застонала снова, он снял мою руку со стенки шкафа.

– Потрогай свой клитор, – укусил он меня за ухо, взял мою руку и подвел ее вниз.

Я дотронулась до клитора пальцем, ощутив, какой он набухший и чувствительный, и замерла. Словно рассердившись, что я не слушаю приказов, Джейк нажал туда собственным пальцем – и от его круговых движений я испытала подлинные муки.

Дыхание замерло у меня в горле, ноги подкосились, движения в самой моей сокровенной глубине стали невыносимыми. Я завизжала, чувствуя приближение оргазма, а Джейк внезапно вышел из меня и потянул меня вниз, на пол.

Ощущая голой спиной жесткий ворс ковра, я почувствовала, как он снова вошел в меня, и обхватила его ногами вокруг тела. Наша близость в такой позиции была чрезмерной, ошеломляющей.

– Джейк, – взмолилась я, глядя ему в глаза. – Джейк...

– Да?

– Я... Я уже почти...

На его губах появилась хитрая ухмылка, но его пальцы глубже вонзились в мою плоть, и он только ускорил свой ритм. Его губы коснулись моего отвердевшего соска, он втянул его в рот, подводя меня все ближе и ближе к краю.

Я вцепилась руками ему в волосы и больше не могла сопротивляться. Я завизжала и, стиснув его ногами, кончила так ярко, как никогда в жизни.

Джейк дернулся во мне еще несколько раз и выругался, ощущая собственный оргазм.

Я лежала спиной на ковре – член Джейка все еще во мне, его губы в сантиметре от моих. Я пыталась выровнять дыхание, а он гладил меня по груди.

Прошептав что-то неразборчивое, он выскользнул из меня и поднялся, чтобы снять презерватив. Я тоже попыталась встать, но ноги все еще не держали меня.

Вздохнув, я закрыла глаза, и через несколько минут почувствовала, что он вытирает меня теплой мягкой материей. Пробормотав: «Спасибо», я снова попыталась встать, но он прижал ладонь к моему животу и удержал на месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhi_uitni/moy-kapitan

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)